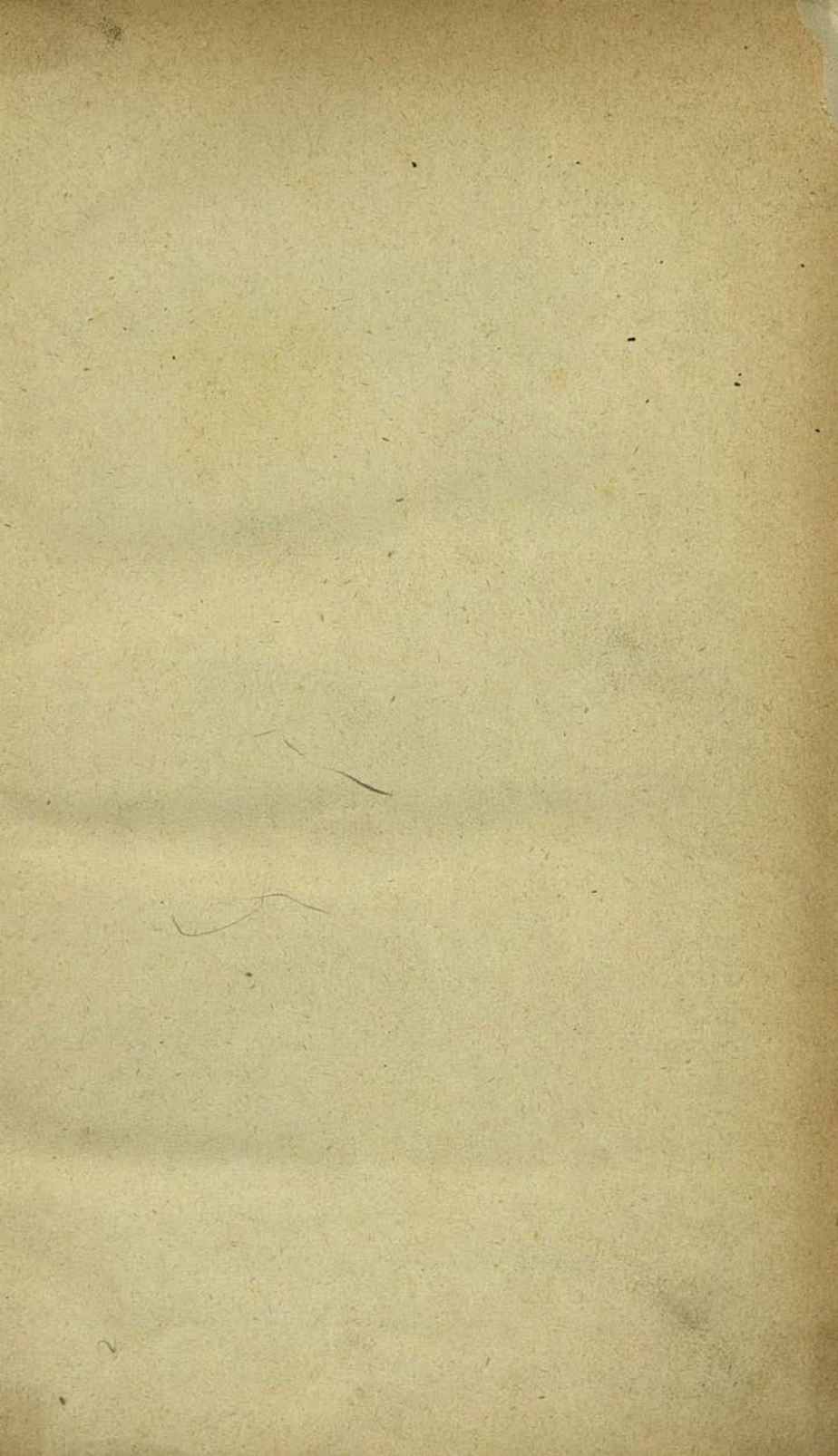
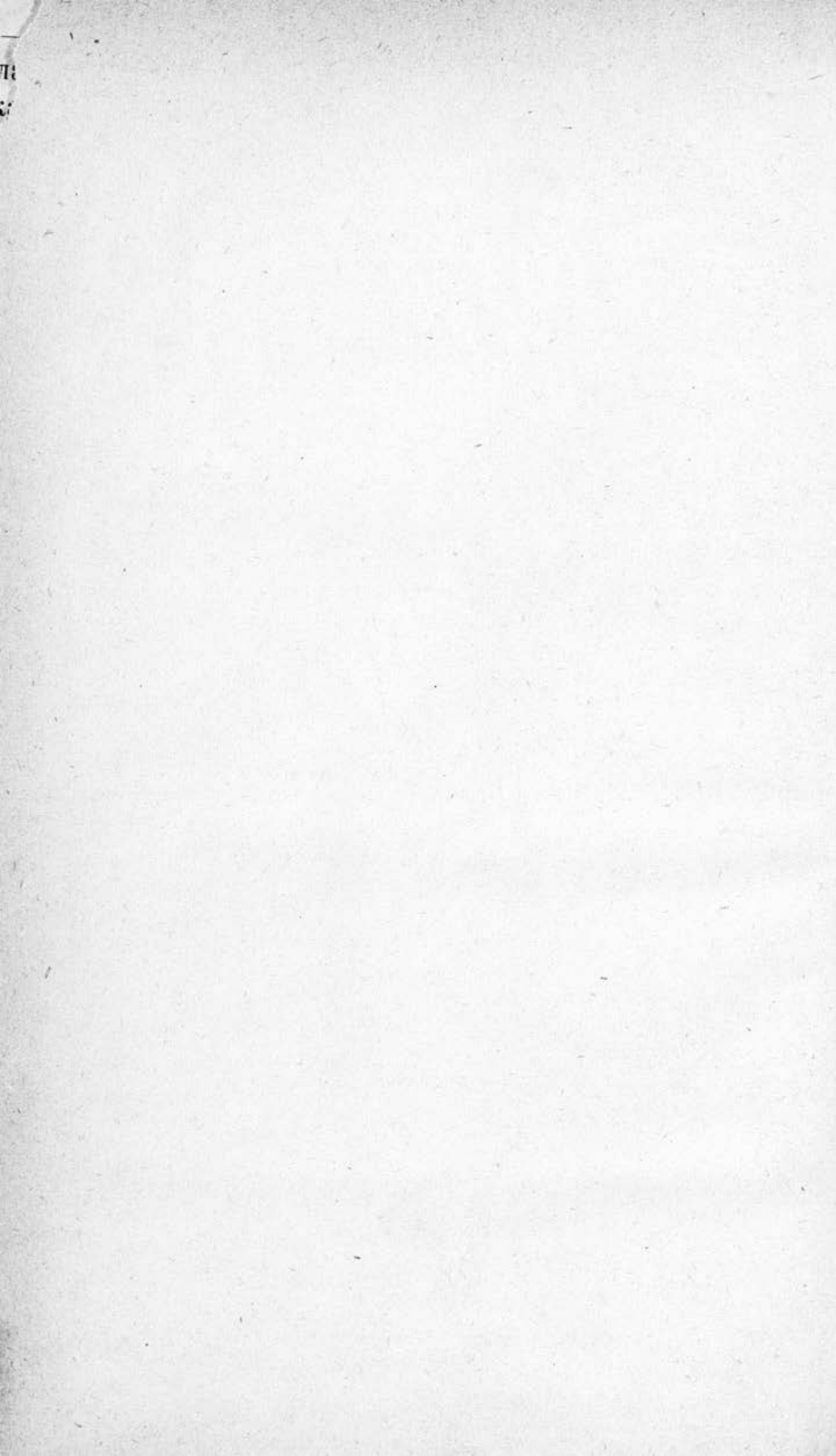

зала 20
шкафъ
полка
№

т-2014-скан. ЭЛОН

56

37

ОБЩЕСТВЕННАЯ

Тамбов

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВНОС
ОН

№ 1

ЯНВАРЬ

1872.

Тамбовъ.

ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

Часть официальная.

Указы Святейшаго Правительствующаго Синода:

	Стр.
Указъ Святейшаго Синода. О допущеніи въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій переведеннаго съ англійскаго на русскій языкъ барономъ эльснеромъ сочиненія Кейта, подъ названіемъ: «Доказательства истины христіанской вѣры», въ качествѣ пособія для преподавателей писанія и основнаго богословія.	1.
<i>Извлеченіе изъ журнала учебнаго комитета при Святейшемъ Синодѣ:</i>	
О переведенномъ съ англійскаго языка етатскимъ совѣтникомъ Барономъ-Отто Эльснеромъ сочиненіи доктора Кейта подъ заглавіемъ: Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ.	2.
О сочиненіи протоіерея Русской, что въ Промѣ, близъ Песта церкви, Константина Кустодіева подъ названіемъ: «Опытъ Исторіи библейской женщины».	4.
Извѣстія и объявленія	15.
Некрологъ	—
Объявленіе отъ Липецкаго Городскаго Общественнаго Банка.	24.

Отдѣлъ неофициальный.

Слово въ великій пятокъ.—Епископа Николая.	1.
Поученіе на Лигуріи въ великую субботу его же	12.
Слово на вечернии Святой Пасхи его же.	17.
Слово на Вознесеніе Господне его же.	24.
Слово въ недѣлю пятидесятницы его же.	33.
Слово на праздникъ Казанской Иконы Божіей Матери	43.
Слово на обрѣтеніе мощей Св. отца нашего Алексія Митрополита, всея Россіи чудотворца, въ день тезоименствства Благовѣрнаго Государа Великаго Князя Алексія Александровича.	59.

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 января

№ 1.

1872 года.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Указъ Святѣйшаго Синода. О допущеніи въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій переведеннаго съ англійскаго на русскій языкъ барономъ Эльснеромъ сочиненія Кейта, подъ названіемъ: «Доказательства истины христіанской вѣры», въ качествѣ пособія для преподавателей священнаго писанія и основнаго богословія.

По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, журналъ учебнаго комитета, съ мнѣніемъ о переведенномъ съ англійскаго языка на русскій статскимъ совѣтникомъ барономъ Отто Эльснеромъ сочиненіи доктора Кейта, подъ заглавіемъ: „Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальному исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ“. Приказали: Заключение учебнаго комитета утвердить и объявить, въ извлеченіи изъ журнала комитета, указами епархіальнымъ преосвященнымъ. Августа 29 дня 1871 года.

**Извлеченіе изъ журнала учебнаго комитета при
святѣйшемъ Синодѣ.**

1. О переведенномъ съ англійскаго языка статскимъ совѣтникомъ барономъ Отто Эльснеромъ сочиненіи доктора Кейта подѣ заглавіемъ: Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальной исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ“ (изд. 1870 года).

Сочиненіе Кейта, выдержавшее множество изданій въ Англіи и переведенное на многіе иностранныя языки, и по своей задачѣ, и по выполненію этой задачи, представляетъ собою трудъ весьма почтенный и переводъ его на русскій языкъ далеко не излишенъ для нашей богословской литературы. Изъ всѣхъ извѣстныхъ монографій относительно этого предмета книга Кейта едва ли не самая лучшая по своей полнотѣ. Всѣ пророчества въ ихъ исполненіи разъяснены съ точностію и подробностію на основаніи историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній, подтвержденныхъ свидѣтельствами очевидцевъ и описаніями путешественниковъ. Эта послѣдняя особенность сочиненія Кейта, т. е. описаніе со словъ очевидцевъ и путешественниковъ, придаетъ еще особенный характеръ живости и впечатлительности этому богословскому изслѣдованію. Правда, можно указать на нѣкоторую неравномѣрность въ изъясненіи исполненія пророчествъ въ книгѣ Кейта, на то, напр., что исполненіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пророчествъ, каково пророчество Давида о седмицахъ, излагается съ меньшею обстоятельностью, чѣмъ исполненіе пророчествъ менѣе важныхъ относительно многихъ городовъ древняго міра, но при этомъ нельзя не принять во вниманіе, что пророчество о седмицахъ и другія важнѣйшія пророчества достаточнo изъяснены во множествѣ сочиненій не только иностранныхъ, но и русскихъ.

Значеніе книги Кейта именно—въ указаніи исполненія пророчествъ, относящихся къ частнѣйшимъ и менѣе извѣстнымъ событіямъ изъ исторій народовъ древняго міра. Съ этой по преимуществу стороны сочиненіе англійскаго писателя важно и служить дополненіемъ къ богословскимъ трудамъ этого рода. Можно также указать на то, что въ выполненіи своей задачи Кейтъ входитъ въ подробности до излишенства, ищетъ буквально точнаго исполненія словъ пророчества относительно неважныхъ и мелкихъ событій, что, естественно, сопровождается иногда натянутостію объясненій. Таково напр. усиліе автора найти буквально точное исполненіе пророчествъ о паденіи Вавилона во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ исторіи его покоренія Киромъ и Ксерксомъ, какъ разсказывается она у Геродота и Ксенофонта и т. п. Таковы же усилія автора найти буквально точное исполненіе пророчествъ относительно нѣкоторыхъ городовъ въ ихъ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, внѣшнемъ видѣ и т. п., каково напр. желаніе объяснить пророческія слова о томъ же Вавилонѣ: „выступило на Вавилонъ море, онъ покрытъ множествомъ волнъ его“—примѣнительно къ нынѣшнему положенію и мѣстности древняго Вавилона и т. п. (стр. 456—467). Но эти недостатки неважные и незначительные искупаются общимъ достоинствомъ содержанія книги Кейта.

Языкъ книги не достаточно легокъ и носитъ на себѣ явные слѣды перевода съ иностраннаго. Встрѣчаются по мѣстамъ и неправильности въ изложеніи и языкѣ: напр. „книги св. писанія не были, подобно другимъ письменнымъ произведеніямъ, разъединенными и не имѣющими связи условіями теоретической способности изслѣдованія“, или: „издыжающій крикъ скорби“; „подтвердить *выраженное* предсказаніе Иисуса Христа“; „въ разстояніи семи *стадіевъ*“; „устояли всѣмъ *опустошеніямъ* времени“; а равно и обороты рѣчи не русскіе, каково напр. выраженіе: „Бѣдствія іудеевъ“

должны были постигать ихъ прогрессивно ихъ неправдамъ“; „онѣ являютъ видъ ужаснаго опустошенія, если и не неисправимаго бесплодія“; „Іерусалимъ кишѣлъ іудеями“. Но за исключеніемъ этихъ немногихъ неправильностей изложеніе въ книгѣ не представляетъ невразумительности и двусмысленности. Географическія и историческія названія переведены на русскій языкъ правильно, за исключеніемъ названія Филстимской земли „Филистія“, неупотребительнаго въ русскомъ языкѣ и названіе Златоуста Хризостомомъ. Богословская терминологія также не представляетъ неправильностей. Мыслей съ отбѣнкомъ протестантскимъ и рационалистическимъ не встрѣчается. Исключеніе изъ этого составляетъ только слѣдующее замѣчаніе на стр. 13: „чистота Его (І. Христа) ученія сохранялась нѣкоторое время, но въ послѣдствіи она была помрачена“. Но переводчикомъ въ примѣчаніи сдѣлано поясненіе, что это „можетъ относиться только къ латинству и протестанству, такъ какъ православная церковь сохранила истину христіанскаго ученія безъ всякаго искаженія“.

По вниманію къ указаннымъ достоинствамъ сочиненія Кейта, учебный комитетъ полагалъ бы возможнымъ рекомендовать переведенное на русскій языкъ барономъ Отто Эльснеромъ сочиненіе Кейта въ качествѣ, пособія, преподавателямъ священнаго писанія и основнаго богословія въ духовныхъ семинаріяхъ и преподавателямъ Закона Божія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки сихъ учебныхъ заведеній.

2 О сочиненіи протоіерея Русской, что въ Иромъ, влизь Песта церкви, Константина Кустодіева подъ названіемъ: „Опытъ Исторіи библейской женщины“ (ч. 1 и 2-я С. П. Б. 1870 г).

Въ предисловіи къ своему сочиненію „Опытъ Исторіи

Библейской женщины“ авторъ указываетъ двѣ цѣли или задачи, которыя имѣетъ въ виду его исторія Библейской женщины: „Выдѣлить изъ общей Библейской исторіи обстоятельства, касающіяся собственно женщины, чтобы яснѣе представить и лучше оцѣнить значеніе женщины въ дѣлѣ искупленія и обновленія человѣческаго рода, чему служилъ народъ Божій, вотъ цѣль особенной исторіи собственно Библейской женщины. Библейская женщина, говоритъ авторъ, въ общей библейской исторіи остается, по видимому, въ тѣни, выдаваясь только двумя видными фактами, грѣхопадениемъ по винѣ Еввы и спасеніемъ чрезъ посредство Богоматери. Но эти два факта не представляютъ собою въ исторіи откровенія только двухъ отрывочныхъ фактовъ, они имѣютъ посредствующія звѣнья. Начиная съ прародительницы Еввы, женщина на ряду съ мужчиной принимала постоянное участіе и имѣла важное значеніе въ жизни народа Божія, пока не приготовила изъ среды своей въ лицѣ пречистой Дѣвы чистѣйшаго сосуда для Богочеловѣка“. Другая цѣль книги, по словамъ автора, чисто воспитательная: „Исторія постепеннаго приготовленія того идеала женщины, который представляетъ собою Богоматерь и который останется всегдашнимъ идеаломъ женщины, даетъ тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу христіанскаго воспитанія женщины и могутъ опредѣлить ея положеніе и значеніе въ жизни христіанскихъ обществъ и народовъ Это начало изъ исторіи народа, который никогда не перестанетъ быть нашимъ учителемъ“.

Сообразно съ такими цѣлями, авторъ, раздѣливъ Библейскую исторію В. Завѣта на періоды: патриархальный и подзаконно-національный, въ каждомъ періодѣ сначала рассказываетъ исторію женскихъ личностей, имѣвшихъ какое либо значеніе въ жизни еврейскаго народа и ихъ вліяніе на ходъ событій, а за тѣмъ представляетъ общую картину быта женщины за этотъ періодъ.

Историческій разсказъ въ книгѣ протоіерея Кустодіева отличается полнотою, обнимаю собою все, что говорится въ Библии о женщинахъ, ихъ судьбѣ и участіи въ дѣлахъ общественныхъ. Съ этой стороны въ сочиненіи о. протоіерея Кустодіева нѣтъ недостатка, скорѣе можно упрекнуть автора въ излишество. Такъ онъ вводитъ въ исторію Библейскихъ женщинъ даже такія личности, которыя извѣстны изъ Библии только по имени, о дѣйствіяхъ которыхъ нѣтъ ни одного слова въ Библейскомъ разсказѣ и которыя, слѣдовательно, не могли и не могутъ имѣть никакого значенія въ исторіи. Вслѣдствіе этого самъ авторъ вынужденъ былъ въ сужденіи своемъ о такихъ личностяхъ ограничиться туманными неопредѣленными фразами, почти ничего въ себѣ не заключающими. Таковъ разсказъ объ Адѣ и Циллѣ, женахъ Ламеха, который обращается къ нимъ съ своимъ признаніемъ о совершенномъ имъ преступленіи: мужа убихъ въ язву мнѣ и юношу въ струпу мнѣ (Быт. 3, 23); эти жены Ламеха въ Библии названы только по имени, безъ всякаго замѣчанія объ ихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Вотъ что говоритъ о нихъ авторъ: „Ада и Цилла проходятъ мимо насъ какими то молчаливыми тѣнями; прежде, чѣмъ мы усѣваемъ всмотрѣться въ ихъ лица, ихъ уже задернулъ темный покровъ. Но минутное появленіе ихъ предъ убійцей мужемъ, страшно тревожимымъ совѣстію, возбуждаетъ въ насъ много думъ. Мы какъ будто ждемъ, что вотъ онѣ опять выйдутъ изъ за темнаго покрова, и мы провѣримъ свои думы, ближе познакомившись съ ними“ (стр. 10).

Отличаясь полнотою и содержательностію, историческій разсказъ въ сочиненіи о. протоіерея Кустодіева отличается вмѣстѣ съ тѣмъ и характерностію. Авторъ не просто разсказываетъ исторію женскихъ личностей, какъ излагается она въ Библии, но указываетъ внутреннюю, психическую сторону ихъ дѣйствій съ цѣлію обрисовать ихъ нравственный складъ и общую нравственную настроенность;

—словомъ, то что называется характеромъ или нравственнымъ типомъ. Въ этихъ видахъ онъ входитъ въ анализъ психическаго состоянія дѣйствующихъ лицъ въ извѣстный моментъ, указываетъ внутреннія побужденія для извѣстнаго образа дѣйствій, произноситъ судъ о цѣломъ складѣ душевныхъ обнаруженій и т. п. И нужно сознаться, что его характеристика Библейскихъ женщинъ съ психологической стороны почти всегда вѣрна и отличается живостію, а историческія и археологическія замѣтки касательно обычаевъ того времени, мѣстности, на которой происходили событія, одежды, приемовъ и вообще внѣшняго быта дѣйствующихъ лицъ, придаютъ еще большую живость разсказу. Благодаря этой характерности и типичности изложенія событій, — многіе изъ разсказовъ въ исторіи Библейскихъ женщинъ, не смотря на свою всеобщую извѣстность, читаются съ живымъ интересомъ, — вѣрный признакъ осмысленности и характерности разсказа. Особенно хорошо въ сочиненіи о. протоіерея Кустодіева обрисованы типы Зарры, Деворры и Іудиені.

Общая картина быта женщины, представляемая авторомъ послѣ разсказовъ объ исторіи женщинъ патриархальнаго и подзаконнаго періода, также вѣрна и довольно полна. Въ томъ и другомъ періодѣ авторъ указываетъ сначала отношенія женщины къ религіи или положеніе ея въ отношеніи къ религіи, ея религіозныя вѣрованія, участие въ Богослуженіи; положеніе предъ закономъ, за тѣмъ ея семейное положеніе, — состояніе до брака, самый бракъ, состояніе супружества и наконецъ состояніе вдовства. Все это, какъ и частные разсказы о событіяхъ, предшествующіе этой картинѣ нравовъ женщинъ того и другаго періода, излагается въ связи съ изображеніемъ внѣшняго быта женщинъ, что также придаетъ наглядность этому общему описанію религіознаго и общественнаго быта Библейскихъ женщинъ.

Но сочиненіе о. протоіерея Кустодіева не чуждо и нѣ-

которыхъ недостатковъ.

При всей характерности историческаго разсказа, при всей живости описанія и внутренняго склада и ви́шняго быта женщинъ Библейскихъ временъ, можно бы желать и требовать отъ сочиненія о. Кустодіева болѣе полнаго осуществленія той исторической задачи, какую онъ самъ указалъ для своего сочиненія. Задача эта—представить постепенное развитіе въ лицѣ Библейской женщины нравственнаго идеала, постепенное приготовленіе къ тому, что представляетъ собою въ нравственномъ отношеніи лице Богоматери. Что касается до значенія женщины въ дѣлѣ искупленія и вопроса о ея религіозномъ развитіи, то эта задача сочиненія постоянно имѣется въ виду у автора и указывается, хотя и не выполнена надлежащимъ образомъ. Такъ онъ находитъ разширеніе въ религіозной дѣятельности женщинъ періода подзаконнаго сравнительно съ періодомъ патриархальнымъ. Такъ въ Аннѣ—матери Самуила, отличавшейся глубиною преданности волѣ Божіей и въ чувствѣ благодарности посвятившей Богу своего единственнаго сына, онъ указываетъ нравственный типъ, характеризующій переходъ отъ закона Моусеева къ христіанству, а въ матери Маккавеевъ, стоящей, по его выраженію, на порогѣ Новаго Завѣта, самое блестящее олицетвореніе Израильской вѣры, раскрытой пророками. Но это одна сторона дѣла—чисто религіозная,—это проявленія вѣры. Рядомъ и въ связи съ нею стоитъ сторона чисто нравственная. Вѣра во единаго Бога, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, не оставалась безплодною для жизни. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ указаніемъ развитія чисто религіознаго слѣдовало бы раскрыть и указать и постепенное развитіе чисто нравственной стороны въ исторіи Библейскихъ женщинъ.

Между тѣмъ въ сочиненіи, которое поставило своею задачею указать постепенное приготовленіе того нравственнаго идеала женщины, какимъ является онъ въ лицѣ Бого-

матери, этого невидно, по крайней мѣрѣ это не выяснено, не раскрыто. Библейскія женщины, какъ это было и въ самой дѣйствительности, являются въ сочиненіи съ нравственными недостатками, иногда очень рѣзкими на нашъ христіанскій взглядъ, а то, какъ подъ вліяніемъ вѣры постепенно исчезаютъ эти недостатки и исчезаютъ ли, совсѣмъ не указано. Нѣтъ объясненія и того, почему эти недостатки были неизбѣжнымъ явленіемъ для того времени и въ чемъ проявляется сравнительно высокое нравственное значеніе Библейскихъ женщинъ при всѣхъ свойственныхъ имъ недостаткахъ ихъ, почему самъ авторъ усваиваетъ имъ воспитательное значеніе. Слѣдовало бы все это выяснить и изъ общаго характера ветхозавѣтной нравственности и изъ нравственного состоянія подзаконнаго человѣка, въ эпоху всеобщаго господства въ мірѣ чувственнаго начала. Этого мало. Отъ сочиненія съ такою серьезною задачею, какая указана самимъ авторомъ, можно бы потребовать еще болѣе, именно сопоставленія или сравненія нравственного типа Библейской женщины съ типами женщины въ язычествѣ, съ женщинами другихъ странъ востока и греко-римскаго міра. Тогда еще яснѣе было бы и то, что давала Еврейской женщинѣ истинная религія для жизни и почему, при всѣхъ своихъ недостаткахъ съ христіанской точки зрѣнія, она стояла по своей нравственности выше женщинъ остальнаго міра. Все это вопросы, весьма важные съ научной точки зрѣнія, и прямо вызываемые задачею сочиненія, но почти не тронутые авторомъ. Если и можно находить въ сочиненіи отвѣтъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, то отвѣтъ далеко не полный,—въ общихъ, отрывочныхъ, случайно брошенныхъ замѣчаніяхъ или въ общей картинѣ быта женщины, извлекая его рядомъ посредствующихъ мыслей и соображеній. Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ и важенъ въ виду той воспитательной цѣли, какую предположилъ себѣ авторъ. Многіе рассказы изъ исторіи Библейскихъ женщинъ, какъ

напр. изъ исторіи пребыванія Авраама съ женою въ Египтъ у Фараона или о пребываніи его же съ женою у Авимелеха въ странѣ Гераръ и т. п., не выясненные съ сейчасъ указанной точки зрѣнія, на читателя или читательницу, но имѣющихъ болѣе или менѣе серьезнаго богословскаго образованія, не могутъ произвести назидательнаго впечатлѣнія, скорѣе введутъ ихъ въ недоумѣніе и соблазнъ.

Съ еще большимъ правомъ можно указать, какъ на недостатокъ сочиненія, на нѣкоторыя неточности въ мысляхъ, какъ догматическаго, такъ и историческаго содержанія. Такъ, разсуждая о религіозныхъ вѣрованіяхъ патріархальнаго періода, авторъ (стр. 66) замѣчаетъ, что человекъ сначала называлъ Бога Елогимъ т. е. *совокупностьъ всѣхъ силъ*. Таково, по словамъ его, *первое названіе Бога въ Библии*. Какихъ силъ,—не опредѣлено. Если силъ міровыхъ, физическихъ, то это будетъ религіозный натурализмъ или пантеизмъ. Эта неопредѣленность въ понятіи Елогимъ можетъ служить поводомъ къ сближенію воззрѣній автора съ тѣми рационалистическими миѣніями, по которымъ имя „Елогимъ“ въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣйствительно, будто бы, по своему значенію не отличается отъ языческаго воззрѣнія на Божество и служитъ остаткомъ древнихъ политеистическихъ вѣрованій, общихъ всѣмъ народамъ древности, которыя у Евреевъ съ трудомъ уступали свое мѣсто новымъ, Моисеемъ сообщеннымъ понятіямъ о Богѣ (Іегова). Точно также не вполне точно и вѣрно воззрѣніе автора относительно вѣры въ безсмертіе въ патріархальный періодъ. „Будущая жизнь для патріарховъ, по его словамъ (стр. 67 и 68), была покрыта тьмою, разсѣянія которой онъ ждалъ отъ сѣмени жены; Іова мучитъ неизвѣстность будущаго. Для патріарховъ смерть была порогомъ преисподней, этого подземнаго обиталища, гдѣ блуждали тѣни“. То правда, что идея безсмертія въ Ветхомъ Завѣтѣ раскрывалась постепенно въ томъ отношеніи, что постепенно уяснялись для Ветхозавѣтнаго чело-

вѣка свойства будущей загробной жизни, какъ жизни духовной, противоположной жизни чувственного міра. Но сказать, что относительно будущей жизни, т. е. относительно того, что жизнь по смерти не прекращается, Патріархи *сомнѣвались*, значило-бы сказать неправду. Тотъ взглядъ, что въ первыхъ, по времени, книгахъ Ветхаго Завѣта нѣтъ ученія о безсмертіи, далеко не новъ,—его держались еще Саддукеи, принимавшіе только Моусеево пятокнижіе и отвергавшіе воскресеніе, но отвѣтъ на это имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ новѣйшимъ рационалистамъ держащимся того же взгляда, данъ самимъ Спасителемъ, по словамъ котораго патріархи вѣровали въ безсмертіе уже потому, что Бога называли Богомъ своихъ умершихъ предковъ: ибо нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ (Матѣ. 22, 23) Не нужно къ этому прибавлять еще, что дѣйствительность безсмертія для патріархальнаго человѣка подтверждалась и уяснялась живымъ нагляднымъ фактомъ предложенія Эноха отъ земли на небо (Быт. 5, 24). Въ связи съ этимъ неточнымъ взглядомъ на вѣру въ безсмертіе у патріарховъ стоитъ и замѣчаніе автора въ исторіи Анны, матери Самуила, о томъ, что она была первою ясною истолковательницею вѣры въ безсмертіе въ Ветхомъ Завѣтѣ (стр. 149). Это послѣднее замѣчаніе тѣмъ болѣе произвольно, что въ пѣсни Анны, которую приводитъ авторъ, нѣтъ слова о безсмертіи собственно. Выраженія „Иегова умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ шеоль и возводитъ“ изображаютъ могущество Божества. Говоря о Деворрѣ и ея пѣсни по пораженіи врага—авторъ замѣчаетъ: „смѣсь Божественнаго вдохновенія и человѣческой страсти дѣлаетъ изъ гимна Деворры одну изъ самыхъ характеристическихъ пѣсней, которая въ пѣвицѣ указываетъ и ея человѣчность и то, что она орудіе Бога“. Допускать смѣшеніе Божественнаго вдохновенія въ проявленіяхъ человѣческой *страсти* едва ли возможно. Мысль автора, очевидно, требовала инаго выраженія. Разсказъ о вызовѣ Са-

муиломъ чрезъ Аэндорскую волшебницу тѣни Самуила авторъ дополняетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Аэндорская волшебница напоминаетъ намъ современныхъ спиритовъ. Дѣйствительности явленій у спиритовъ отвергать нельзя, но они зависятъ отъ расположеній видящихъ, имѣютъ чисто субъективный характеръ. Таково явленіе Саула Самуила“. Не понятно, что хочетъ сказать авторъ. Если видѣнія спиритовъ имѣютъ чисто субъективный характеръ, то и дѣйствительности видѣній нѣтъ у нихъ, это обманъ чувствъ, извѣстнымъ образомъ настроенныхъ. Съ другой стороны, если видѣніе Самуиловой тѣни было явленіемъ субъективнаго характера, то какъ объяснить сбывшееся предсказаніе, полученное отъ тѣни Самуила, о смерти Саула и сыновъ его на другой же день? По меньшей мѣрѣ это замѣчаніе излишне. Совершенно напрасно также авторъ въ разсказѣ о воспитаніи Моусея въ Египтѣ въ объясненіе Библейскаго замѣчанія, что онъ наученъ былъ Египетской мудрости, высказываетъ мысль, что Моусей слышалъ или могъ слышать имя Единого Верховнаго Бога отъ жрецовъ Египта, у которыхъ сохранялось еще это понятіе, и которые научали народъ почитать Его подъ символомъ солнца—Ра, какъ бы давая поводъ думать, что понятіе объ истинномъ Богѣ отчасти заимствовано Моусеемъ и изъ Египетской философіи. Напрасно это тѣмъ болѣе, что самъ же авторъ далѣе говоритъ, что Евреи и въ Египтѣ чтили истиннаго Бога и что самое названіе: „Юхаведа“ матери Моусея—указываетъ на имя Іеговы. Подобная мысль, донинѣ высказываемая въ западной богословской литературѣ—есть остатокъ стараго раціоналистическаго взгляда касательно того, будто Моусей вынесъ понятіе Іеговы изъ Египетскихъ мистерій, адептомъ которыхъ былъ во время пребыванія своего при дворѣ Фараона. Взглядъ этотъ, господствовавшій въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтія, поэтически изложенъ и въ извѣстной статьѣ Шиллера: „посольство Моусея“ (Sendung Mosis). Въ

то время при недостаточномъ еще изученіи исторіи древнихъ религій находили понятіе Іегова даже въ имени Египетскаго Бога луны (Ioh), одного изъ 6-ти низшихъ божествъ, немѣющихся ничего общаго съ понятіемъ о единомъ Богѣ. Нынѣ въ самой наукѣ взглядъ этотъ уже теряетъ значеніе. Мистеріи, о которыхъ мы знаемъ только отъ неоплатоническихкихъ философовъ Ямвлиха и Порфирія, были явленіемъ позднѣйшимъ въ исторіи религій древняго міра и едва ли вѣрно то, будто еще во время Моусея жрецы Египта держались болѣе возвышенныхъ понятій о Богѣ, чѣмъ какія проповѣдывали народу. Съ другой стороны если и было у Египетскихъ жрецовъ понятіе о Богѣ Верховномъ, Единомъ, то оно было привязано не къ идеѣ бога солнца — Ра, какъ предполагаетъ авторъ. Верховное Божество въ Египтѣ (единое, нераздѣлимое) имѣвшее, впрочемъ, пантеистическій характеръ, называлось Аммуиъ—или Аммонъ, что значило: „тайна, сокровенное“. Это понятіе Верховнаго Божества вполне отвѣчало и общему тайственному, символическому характеру Египетской религіи съ ея сфинсками и гіероглифическимъ письмомъ. Богъ солнца—Ра есть богъ втораго, низшаго порядка Египетскихъ божествъ.

Что касается до изложенія, то оно живо и стройно, но иногда излишне искусственно и напыщено. Таковы наприм. слѣдующія фразы: на стр. 3., „человѣкъ въ своей помощницѣ узналъ то святое дыханіе, которое одушевляло его самаго,“. „Свои благодарственные клики они (Евреи) выразили въ пѣсни къ Богу, вылившейся изъ шести сотъ тысячъ грудей такимъ-то стремительнымъ, порывчатымъ потокомъ,“. „Руфъ моавитянка дѣлается *сукомъ*, который, привившись къ стволу Іудину, произведетъ вѣтвь,“ и т. д. (стр. 138). На русскомъ эта послѣдняя фраза не отличается красотой. Самый языкъ и выраженія по мѣстамъ не совсѣмъ правильны. Вотъ примѣръ такихъ неправильностей: „Богъ не хотѣлъ господствовать надъ ничемъ,“ (рѣчь идетъ о сотвореніи міра стр. 2). „Пропади

у ней значительная сумма денегъ,, (стр. 109) оборотъ вульгарный—вмѣсто: пропала. Она (Деворра) *проважживаетъ* его (Сисару) въ високъ (стр. 118). Давидъ обладавшій искусствомъ играть *на гусли* (стр. 150). Она *омочаетъ* свои губы въ вино (стр. 196). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ употребляетъ слова и выраженія неупотребительныя въ русскомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ и выраженій носятъ на себѣ явные слѣды перевода съ иностраннаго (французскаго). Такъ авторъ почти постоянно употребляетъ слово “*фамилія*,” вмѣсто “*семейство*,”. Таковы же выраженія его *потомица*, *материнство* (*matevnie*). Такова цѣлая фраза “испытанія преодолеваютъ, не уклоняясь отъ нихъ, а подчиняясь имъ,, оборотъ французскій. Наконецъ есть нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ достоинству предмета рѣчи: таковы выраженія: Господь *угадывая* тайную скорбь неплодной супруги (13 стр.): Господь *угадалъ* эту улыбку (Сарры) стр. 18

Въ виду изложенныхъ научныхъ достоинствъ сочиненія протоіерея Кустодіева, особенно же живости и характерности его рассказовъ изъ Библейской исторіи, сопровождаемыхъ поясненіемъ быта евреевъ на основаніи этнографическихъ свѣдѣній, учебный комитетъ находитъ возможнымъ допустить приобрѣтеніе этого сочиненія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ съ тѣмъ, однакожъ, чтобы преподаватели при пользованіи имъ имѣли въ виду указанныя замѣчанія о недостаткахъ книги, особенно относительно неточныхъ мыслей и одностороннихъ взглядовъ, а самъ авторъ озаботился при новомъ изданіи книги исправить эти недостатки.

II.

Извѣстія и объявленія.

Некрологъ.

Настоящаго 1871 года августа 10 дня городъ Моршанскъ лишился знаменитаго проповѣдника и незабвеннаго для жителей собесѣдника протоіереея Андрея Яковлевича Воскресенскаго, похищеннаго неумолимою смертію изъ среды живыхъ.

Андрей Яковлевичъ, какъ самъ онъ рассказывалъ, родился 1804 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ небогатомъ городѣ Шацкѣ отъ соборнаго діакона Іакова.—Отецъ его, имѣя большое семейство—кромѣ дочерей пять сыновъ, по скудости средствъ стѣснялся въ содержаніи и воспитаніи своихъ дѣтей, почему для поддержанія своей бѣдности, рѣшился просить бывшаго Тамбовскаго Епископа Іону—опредѣлить старшаго своего сына—сего Андрея въ Шацкое Духовное Правленіе сторожемъ. Но Преосвященный Іона, замѣтивъ въ мальчикѣ, представленномъ Ему на лице, даровитность и способности къ ученію, въ прошеніи отцу отказалъ, а вмѣсто сторожа записалъ его въ духовное училище на казенное содержаніе съ фамиліею Воскресенскаго, сказавъ: „этотъ“ мальчикъ будетъ не сторожемъ, а протоіереемъ, что дѣйствительно въ послѣдствіи и сбылось.

Андрей Яковлевичъ воспитывался на казенномъ содержаніи и обучался преподаваемымъ ему наукамъ отлично до окончанія курса семинарскихъ наукъ. По окончаніи же курса 1824 года онъ Воскресенскій, какъ отличнѣйшій ученикъ, семинарскимъ Начальствомъ избранъ и посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Московскую Духовную Академію, гдѣ обучаясь высшимъ наукамъ, былъ вмѣстѣ и письмоводителемъ при Академическомъ Правленіи, окон-

чилъ курсъ съ степенью кандидата и съ ежегодною стипендіею въ 60 р. сер. 1828 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ возвратился изъ Академіи въ Тамбовскую Духовную семинарію и опредѣленъ Профессоромъ Всеобщей Гражданской Исторіи и учителемъ нѣмецкаго языка. 1829 года въ маѣ мѣсяцѣ женился въ Тамбовѣ на оберъ-офицерской дочери Александрѣ Димитріевой, отъ которой имѣлъ дѣтей и мужеска и женска пола, но дѣти въ духовное званіе не пожелали, а поступили въ гражданское вѣдомство. 1831 года въ іюлѣ мѣсяцѣ Андрей Яковлевичъ, за смертію Моршанскаго Протоіерея Козьмы Прокопѣвича Рыбинскаго, просилъ у Епископа Евгенія для себя протоіерейскую въ Моршанскѣ должность, Преосвященный въ прошеніи ему отказалъ, оставивъ впрочемъ Протоіерейскую вакансію праздною. Потомъ въ продолженіе тогоже 1831 года Андрей Яковлевичъ неоднократно повторялъ свое прошеніе и преосвященный подъ разными предлогами ему отказывалъ, а между тѣмъ протоіерейская въ Моршанскѣ вакансія оставалась все еще праздною. Наконецъ 1832 года въ Генварѣ мѣсяцѣ Преосвященный Евгенийъ самъ призвалъ къ себѣ Андрея Яковлевича и приказалъ подать прошеніе на праздную въ городѣ Моршанскѣ протоіерейскую вакансію, съ условіемъ — докончить годъ ученія въ семинаріи до іюля мѣсяца, сказавъ ему: „вы, Андрей Яковлевичъ, не посѣтуйте на меня за то, что я вамъ отказывалъ въ прошеніи, — я это дѣлалъ не безъ основанія. Вы въ Академіи четыре года воспитывались на семинарскій счетъ, а сами за свое воспитаніе не прослужили въ семинаріи четырехъ лѣтъ, а потому я и обязываю васъ дослужить въ семинаріи четвертый годъ“. Вскорѣ послѣ сего Преосвященный Евгенийъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода, перемѣщенъ изъ Тамбовской въ Минскую Епархію, не успѣвъ посвятить Андрея Яковлевича въ протоіерея, а только произвелъ ставленническое дѣло, и Андрей Яковлевичъ, по необходимости, осталъ

ся не посвященнымъ до прибытія новаго Преосвященнаго. По прибытіи же въ маѣ мѣсяцѣ на праздную Тамбовскую кафедру Преосвященнѣйшаго Арсенія, Андрей Яковлевичъ Юня 26 прошелъ напередъ, по правиламъ церкви, нисшія степени священства, рукоположенъ въ протоіерея на настоящее мѣсто. Почему 26 іюня всегда было памятно для О. Андрея Яковлевича — и онъ во всю жизнь свою въ этотъ день (т. е. 26 іюня) самъ каждый годъ служилъ литургію и благодарный молебенъ; а въ послѣдствіи, по соглашенію съ своими соборными сослуживцами, учредилъ на каждой недѣли въ пятницу послѣ ранней литургіи въ новомъ Троицкомъ соборѣ читать Акаѳистъ Божіей Матери предъ иконою Тихвинскою. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года послѣ рукоположенія Андрея Яковлевича, выше упомянутый Епископъ Іона, вмѣсто сторожа записавшій его въ духовное училище, проѣзжалъ изъ Грузіи чрезъ Тамбовъ въ С.-Петербургъ уже митрополитомъ для присутствія въ Св. Синодѣ. Андрей Яковлевичъ обще съ наставниками Духовной семинаріи представлялся Его Высокопреосвященству въ санѣ Протоіерея. Тутъ-то онъ лично выразилъ Высокопреосвященнѣйшему свою благодарность за вниманіе къ его дѣтству, обреченному въ сторожа, давшее ему направленіе къ просвѣщенію. Тогоже 1832 года въ концѣ іюля мѣсяца О. протоіерей Андрей Яковлевичъ Тамбовскимъ Семинарскимъ Начальствомъ уволенъ отъ училищной должности съ аттестатомъ и денежною наградою въ 200 р. ассигнац. за усердную четырехъ — лѣтнюю службу въ семинаріи, а 27 іюня прибылъ въ Моршанскъ и вступилъ въ отправленіе протоіерейской должности, которую безъ перемѣны и неукоризненно проходилъ до своей кончины, 39 лѣтъ и 14 дней.

Въ продолженіе своего тридцатидевятилѣтняго служенія Моршанской соборной церкви О. протоіерей, по распоряженію Начальства, проходилъ и другія должности и

за свою ревность и дѣятельность по службѣ былъ почтенъ различными наградами. Такъ онъ былъ опредѣленъ первоприсутствующимъ въ Моршанскомъ Духовномъ Правленіи и состоялъ на оной должности до закрытія Правленія, — состоялъ сотрудиномъ попечителемъ Тамбовскаго Духовнаго Попечительства обѣдныхъ духовнаго званія. Два раза былъ Благочиннымъ Моршанскихъ градскихъ и пригородныхъ церквей. Состоялъ членомъ Моршанскихъ уѣздныхъ — оспеннаго, тюремнаго и народнаго здравія комитетовъ. 1836 года его попеченіемъ и стараніемъ устроены въ трапезѣ стараго собора на сѣверной сторонѣ придѣлы во имя Святителя и Чудотворца Митрофана Воронежскаго 1 Епископа. 1836 года О. Протоіерей награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею, которую Преосвященный Арсеній іюля 8 дня возложилъ на него въ Моршанскѣ при основаніи новаго Троицкаго собора. При построеніи сего собора онъ, протоіерей, состоялъ членомъ строительнаго комитета до 1844 года, а съ того времени постройка онаго собора, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, производилась подъ особеннымъ его, протоіерея, смотрѣніемъ. 1837 года О. протоіерей имѣлъ счастье встрѣчать въ старомъ соборѣ путешествующаго по Россіи Великаго посѣтителя Всероссійскаго Наслѣдника нынѣ благополучно царствующаго Государа Императора Александра Николаевича. Съ 1839 года О. протоіерей Андрей Яковлевичъ состоялъ законоучителемъ въ Моршанскомъ уѣздномъ училищѣ, а 1854 года Января 12 дня, по собственному его желанію и прошенію, отъ должности законоучителя уволенъ съ третнимъ пансіономъ въ 44 р. с. за свыше пятьнадцатилѣтнюю училищную службу. 1844 года апрѣля 8 дня за ревностное и дѣятельное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей награжденъ бархатною фіолетовою лампадкою. 1850 года іюня 7 дня награжденъ наперстнымъ отъ Св. Синода крестомъ. 1865 года августа 26 дня

Всемилоствѣше причисленъ къ ордену Св. Анны 3 степени. 1858 года чрезъ указное предписаніе преподано ему протоіерею благословеніе Св. Синода. Въ 1860 году пожалованъ орденомъ Св. Анны 2 степени. Въ 1863 году награжденъ отъ Св. Синода палицею. 1867 года мая 14 дня пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2 степени Императорскою короною украшеннымъ. Въ память севастопольской войны имѣлъ бронзовой наперстный крестъ на Владимірской лентѣ. Сверхъ сихъ наградъ Андрей Яковлевичъ отъ каждаго Епископа, бывшаго въ Тамбовской Епархіи, въ теченіи его тридцати-девятилѣтней службы, неоднократно получалъ чрезъ указыя предписанія — Архипастырскія признательности, благодарности и благословенія. — Да и гражданское и военное Начальства не оставляли безъ вниманія его дѣятельной и полезной службы. Семинарское Начальство изъявляло чрезъ Епархіальныя вѣдомости ему благодарность за оказанное имъ попеченіе о бѣдныхъ ученикахъ Тамбовскихъ Духовныхъ училищъ. — Епархіальное Попечительство весьма часто благодарило его за его особенные труды, заботы и вниманіе къ бѣдности вдовъ и сиротъ духовнаго званія. — Членами Харьковскаго учебнаго округа неоднократно ему протоіерею лично объявлена благодарность за законоучительство — именно въ 1844 году сентября 14 дня помощникъ попечителя Князь Цертелевъ лично изъявилъ ему особенную благодарность за отличные успѣхи учениковъ и дѣятельную заботливость о пользѣ дѣтей. 1848 года сентября 18 дня Господинъ управляющій Харьковскимъ Учебнымъ Округомъ Генераль-Адъютантъ Кокошкинъ лично благодарилъ о. протоіерея за усердную службу по должности законоучителя. 1855 года іюля 24 дня Начальникъ дружины Государственнаго подвижнаго ополченія Полковникъ Пановъ предъ Епархіальнымъ Начальствамъ засвидѣтельствовалъ усердіе, оказанное о. протоіереемъ при освященіи знаменъ и при приво-

дѣ къ присягѣ дружинѣ, а 1856 года августа 4 дня имъ же Полковникомъ Пановымъ изъявлена протоіерею благодарность за отличную встрѣчу возвратившихся изъ похода въ Моршанскѣ дружинѣ. 1863 года въ іюль мѣсяцѣ чрезъ Епархіальное Начальство засвидѣтельствована благодарность о. Протоіерею со всѣмъ Моршанскимъ духовенствомъ за двухъ—дневный церковно-торжественный проводъ выступавшаго изъ Моршанска Пѣхотнаго Рязанскаго полка Начальникомъ онаго, а начальниками другихъ полковъ, въ въ тоже время проходившихъ чрезъ г. Моршанскѣ, изъявлена ему благодарность за встрѣчу и проводы оныхъ съ церковно-торжественностію.

О. Протоіерей Андрей Яковлевичъ получая награды отъ Высшаго Правительства и благодарности отъ начальственныхъ лицъ, не меньшимъ пользовался почтеніемъ, уваженіемъ и любовію отъ гражданъ. Его всѣ жители Моршанска любили и уважали за его благоговѣйное служеніе въ церкви, точное исправленіе въ домахъ требъ христіанскихъ и за привѣтливое обхожденіе со всѣми. Онъ во храмѣ былъ отличный проповѣдникъ, а въ обществѣ пріятный собесѣдникъ, — со всѣми обходился ласково, снисходительно и уважительно. Вышихъ себя уважалъ съ почтеніемъ, предъ равными не величался, низшихъ не унижалъ и не презиралъ, всѣхъ равно принималъ по христіански, но и не унижалъ себя до ласкательства, а каждому умѣлъ дать почувствовать ошибку и давалъ приличное во время назиданіе безъ лицезрѣнія. — Для него сильный и богатый, бѣдный и убогій были равны. — Гордость первыхъ онъ мѣтко поражалъ и смиралъ примѣрами христіанской кротости, а страждущихъ подъ гнетомъ бѣдствій и нещастіи утѣшалъ и возвышалъ ихъ духъ своимъ пастырскимъ назиданіемъ, вся жизнь его проникнута была христіанскою любовію ко всѣмъ и каждому. Его бесѣды и пастырскія наставленія были доступны и назидательны для каждаго. Его поученія

всегда были исполнены мыслями и чувствами религиозными. Его особенное вниманіе было обращено на достойное присутствія Божія хожденіе во храмъ Господнемъ и благоговѣйное священное служеніе. Онъ вполнѣ чувствовалъ свою обязанность пещись о благолѣпнн и украшеніи храмовъ Божіихъ,—и въ другихъ старался посѣять благоговѣніе ко храму Господню.

Здѣсь не излишне упомянуть одно довольно интересное обстоятельство изъ поученій о. протоіерея.—Какъ-то среди жителей и начальниковъ г. Моршанска оказалось несогласіе и нестроеніе. Узнавъ о семъ о. протоіерей поскорбѣлъ душою и старался опять возвратить прежнее согласіе, убѣждая и исклоняя каждаго лично къ миру; но успѣха не было. Почему онъ рѣшился въ одинъ великій праздникъ, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи градскихъ властей, произнести въ храмъ приличное о томъ слово.—И замѣтивъ, что многіе это слово слушали безъ вниманія и съ разсѣяннємъ, обратился къ мѣстной иконѣ Спасителя и во всеуслышаніе произнесъ, такъ сказать, жалобу на слушателей: „Господи, я по обязанности своей, сдѣлалъ должное, и стараясь водворить во градъ миръ небесный, сказалъ правду, а они меня не слушаютъ“. И эта—то кроткая жалоба подѣйствовала сильнѣе самой краснорѣчивой проповѣди! Каждый, опасаясь своею враждою Небеснаго судію противъ себя разгнѣвать, спѣшилъ помириться скорѣе съ обидѣвшимъ его и забыть свою обиду—и такимъ образомъ опять водворился во градъ миръ и согласіе.—И за таковую—то ревность къ службѣ и пастырскія назиданія покойнаго О. Протоіерея любили и уважали не только его прихожане, но и всѣ жители г. Моршанска. Особенная любовь гражданъ къ покойному обнаружилась послѣ его кончины.—Изъ уваженія и любви къ Нему граждане исходатайствовали у Епархіальнаго Начальства разрѣшеніе—передать землѣ тѣло покойнаго.

внутри старой соборной церкви, — погребеніе устроили на свой счет, — тѣло несли до усыпальницы на своихъ раменахъ со слезами и съ рыданіемъ предали землѣ. — Послѣ преданія землѣ всѣ единодушно приступили къ родному брату умершаго, бывшему при погребеніи, Рязанской губерніи Каѳедральному протоіерею Лукѣ Яковлевичу Воскресевскому, — съ прошеніемъ утѣшить ихъ слезы своимъ перемѣщеніемъ изъ Рязани въ Моршанскъ на мѣсто покойнаго. — И Лука Яковлевичъ изъ любви къ брату и уважая слезы гражданъ, рѣшился оставить свои почести и уваженія при каѳедрѣ и перемѣстился изъ Рязани въ небольшой уѣздный городъ Моршанскъ.

Покойный О. Протоіерей заботясь и ревнуя о исполненіи священной своей обязанности по церкви и приходу, не былъ чуждъ и занятій семейныхъ и домашнихъ. — Онъ былъ отличный хозяинъ и добрый отецъ семейства. — Но тутъ онъ былъ не вполне счастливъ: — два раза испыталъ на себѣ горькія и тяжкія для сердца бѣдствія. 1-е отъ пожара лишился дома, сгорѣвшаго до основанія. 2-е оплакивалъ смерть любимой дочери, бывшей въ замужествѣ года три и оставившей послѣ себя двухъ малолѣтнихъ, дочерей. Послѣ сихъ двухъ несчастныхъ событій здоровье его измѣнилось и физическія силы начали слабѣть, — съ сихъ поръ онъ началъ заботиться о своей смерти, — съ сихъ поръ онъ нерѣдко во многихъ домахъ говаривалъ: „Послѣдніе годы я доживаю, чувствую себя, что я скоро умру“. На возраженіе же: въ ваши лѣта и при вашей комплекціи рано еще думать о смерти, у него всегда былъ одинъ отвѣтъ: „я это говорю себѣ въ назиданіе, чтобъ не забыть наставленіе Премудраго: *помни послѣдняя твоя*; а роднымъ и знакомцамъ своимъ для того, чтобы они заранѣе ознакомились съ мыслию о моей кончинѣ, которая когда послѣдуетъ, менѣе бы печалились и скорбѣли о мнѣ“. Нынѣшняго же 1871 года начиная съ 1 января, постоянно въ

каждый Праздникъ послѣ службы говорилъ своимъ сослуживцамъ: въ послѣдній разъ я въ этотъ праздникъ съ вами служилъ—нынѣшній годъ я неперезживу,—силы мои часть отъ часу слабѣютъ и здоровіе ветшаетъ. И дѣйствительно замѣтна стала великая въ его здоровьи переменна и трясеніе оказалось въ рукахъ и слабость въ ногахъ. Впрочемъ какъ ни было слабо его здоровье,—онъ службы своей ни въ церкви, ни въ приходѣ не оставлялъ. —Даже за нѣсколько дней до своей кончины — именно 7 числа августа, съ замѣтною для другихъ слабостію самъ служилъ раннюю литургію, послѣ коей церковному старостѣ далъ слово— въ 4 часа по полудни освятить вновь перезолоченный крестъ и воздвигнуть на старый соборъ, но обѣщанія сего за чрезмерною слабостію исполнить не могъ,—и на третій день послѣ сего въ 4 часа по полудни тихо—мирно скончался, уснувъ вѣчнымъ сномъ. Вѣчная ему память!

— I. T. II. —

Въ ноябрьскомъ выпускѣ „Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ настоящаго года, въ официальномъ отдѣлѣ на стр. 285, сообщено было о поступленіи въ продажу второй книги *«Толковаго Евангелія»* отъ Марка и Луки—Архимандрита Михаила; теперь же редакція „Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ спѣшитъ извѣстить Священно-церковно-служителей епархіи, что эту драгоценную и необходимо—нужную особенно для духовенства книгу можно приобрѣтать у наставника Тамбовской Духовной Семинаріи Дмитрія Николаевича Астрова по цѣль значительно уменьшенной противъ объявленной въ газетахъ книгопродавцами. Желаящіе приобрѣсть сію книгу благоволятъ обращаться лично или чрезъ довѣренныхъ лицъ къ Д. Н. Астрову.

Правленіе Липецкаго Городскаго Общественнаго Банка объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1-го января 1872 года.

Банкъ будетъ платить:

	въ годъ.
На вклады безсрочные (до востребованія)	5 ⁰ / ₁₀₀ .
— — — — — отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ	6 ⁰ / ₁₀₀ .
— — — — — 5 — 12 —	6 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀ .
— — — — — вѣчные	7 ⁰ / ₁₀₀ .

Будетъ взимать:

По учету векселей	10 ⁰ / ₁₀₀ .
— ссудамъ подъ залогъ: Процентныхъ бумагъ	9 ⁰ / ₁₀₀ .
— — — — — золотыхъ, серебряныхъ и драгоц. вѣщей	10 ⁰ / ₁₀₀ .
— — — — — земель Липец. уѣзда и строеній гор. Липецка (отъ 1-го до 3-хъ)	9 ⁰ / ₁₀₀ .

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Протоіерей Михаилъ Зѣфировъ.

Съ дозволенія цензуры. 29 Января 1872 года.
Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ.

15 января

№ 1.

1872 года.

проповѣди покойнаго преосвященнаго николая, бывшаго епископа тамбовскаго

С Л О В О

ВЪ ВСЕЛЕННІИ ПЯТОКЪ.

Христосъ пострада по насъ, намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Ею. I Петр. 2, 21.

Каждый годъ, слуш., возобновляется предъ нами зрѣлище страданій Христовыхъ,—зрѣлище таинственное, поразительное, поучительное. Каждый годъ снова представляется нашему размышленію искупительная смерть Христова, снова поражаютъ наше чувство страданія Богочеловѣка, снова предлагается намъ въ подражаніе примѣръ Начальника и Совершителя вѣры нашей, Иисуса. Углубляйся, христіанинъ, въ тайну гроба Христова, сочувствуй, но вмѣстѣ помни, что концемъ и размышленія и сочувствія нашего должно быть подражаніе Иисусу Христу. Какъ самая смерть Христова имѣла цѣлю своею собственно наше спасеніе; такъ тоже спасеніе должно быть цѣлю и предъ-

ставленія и созерцанія припоминательнаго зрѣлища смерти Христовой. Но спасемся ли мы безъ подражанія Христу, хотя бы имѣли самое глубокое разумѣніе тайны смерти Его, и самое живое къ Нему состраданіе? Нѣтъ; ибо только тотъ спасается, кто истинно вѣруетъ во Христа; только тотъ истинно вѣруетъ во Христа, кто всею душою принадлежитъ Христу; только тотъ такъ принадлежитъ Христу, кто имѣетъ въ себѣ, по Апостолу, *духа Христова* (Римл. 8, 9); и только тотъ имѣетъ Его духа, кто живетъ такъ, какъ жилъ Онъ Самъ (1 Иоан. 2, 6). Такимъ образомъ подражаніе наше Иисусу Христу есть съ нашей стороны основаніе нашего спасенія, такъ же какъ съ Его стороны основаніемъ нашего спасенія служить то, что Онъ за насъ положилъ свою душу.

Если же подражаніе Христу такъ для насъ необходимо въ дѣлѣ нашего спасенія; то когда болѣе благовременно и говорить о семъ предметѣ, какъ не во дни, въ которые Церковь представляетъ намъ поразительный образъ важнѣйшаго изъ дѣлъ Христовыхъ, совершенныхъ Имъ для нашего спасенія, именно—образъ Его страданій и смерти! — Кажется, на гробѣ Его видишь надпись Апостольскую къ намъ обращенную: какъ *Онъ душу свою положилъ* за насъ, такъ и мы *должны положить души за братьевъ* (1 Иоан. 3, 16); *Христосъ, пострадавъ* по насъ, *подалъ намъ примѣръ*, дабы мы *шли по стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21). Итакъ остановимся на примѣрѣ Христовомъ и на нашемъ Ему подражаніи въ томъ, чтобы, какъ Онъ душу свою положилъ за насъ, такъ и мы, по Его примѣру, жили не для себя, но для другихъ.

Вся жизнь Иисуса Христа, во *днѣхъ плоти Его*, какъ выражается Апостоль (Евр. 5, 7), была посвящена собственно спасенію человѣковъ. Къ сей одной цѣли направлены и пришествіе Его и дѣйствія Его и всѣ лишенія Его.

Еще тогда, какъ послѣдовало опредѣленіе Бога Отца

Сыну Божию идти въ міръ, Сынъ, по изображенію Пророка и Апостола, говорилъ Отцу: *жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тѣло Мое уготовалъ. Всесожженія и жертвы за грѣхъ не угодны Тебѣ.... Се иду, исполнить волю Твою, Бже* (Пс. 39, 7—9. Евр. 10, 5—7)! Какой же это воли? Той, чтобы Иисусъ Христосъ въ уготованномъ Ему тѣлѣ, т. е. въ Его человѣчествѣ, въ замѣнъ ветхозавѣтныхъ жертвъ, коими грѣхи человѣческіе прежде искупались, собственно Своею кровію приобрѣлъ намъ вѣчное отъ грѣховъ искупленіе (Евр. 9, 16). Не для насъ ли, слѣдственно, Его пришествіе на землю?—Еще Онъ не являлся во плоти, а еще скрывался и открывался въ ветхозавѣтныхъ только прообразованіяхъ: но Пророкъ, справедливо проименованный Евангелистомъ, уже благовѣствуетъ о Немъ: *Сей грѣхи наша носитъ, и о насъ болзнуетъ: и мы смнимохъ Его быти въ трудъ, и въ язвъ отъ Бога, и въ озлобленіи. Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша. И Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ* (Ис. 53, 4—6). Не для насъ ли, слѣдовательно, Его пришествіе на землю?—Вотъ Онъ приходитъ въ міръ—и сколько новыхъ указаній на то, для кого и для чего собственно приходитъ Онъ въ міръ! Во время самаго зачатія и въ самомъ имени Иисуса уже слышимъ, что Онъ пришелъ для того, чтобы спасти насъ: *родитъ Сына, говоритъ Ангелъ Іосифу о Пресвятой Богоматери, и наречеши имя Ему Іисусъ: Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мат. 1, 21). И во время рожденія Христова также Ангелъ благовѣствуетъ пастырямъ, что Иисусъ родился собственно для людей: *се благовѣствую вамъ радость велию, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь* (Лук. 2, 10. 11). И во время принесенія Христа во храмъ, праведный Симеонъ видитъ и на рукахъ носитъ, въ лицѣ младенца Иисуса, *спасеніе*, т. е. Спасителя, даннаго всѣмъ людемъ; и Анна пророчица тоже о Немъ исповѣдуетъ всѣмъ чающимъ

спасенія (Лук. 2, 30. 38). И во время пришествія Христова на Иорданъ, Креститель указываетъ и называетъ Его не другимъ какимъ либо именемъ, но именемъ жертвы искупительной за спасеніе всѣхъ человѣковъ: *Се агнецъ Божій, вземлюй грѣхи міра*, говорилъ о Немъ народу Іоаннъ Предтеча (Іоан. 1, 29). Не для насъ ли собственно пришествіе Христово на землю?

Дѣятельная сторона жизни Христовой показываетъ также, что Онъ для того собственно и приходилъ на землю, чтобы всю жизнь свою посвятить нашему благу. Еще будучи двѣнадцати лѣтъ, Онъ уже говорилъ Матери своей: *Что яко искасте Мене?— Не есте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоинъ быти Ми* (Лук. 2, 49)?—Какбы такъ Онъ говорилъ: не знаете ли, что Мнѣ преимущественно и при всякомъ удобномъ случаѣ должно посвящать время свое на дѣло, возложенное на Меня Богомъ Отцемъ?—Теперь въ храмъ представился Мнѣ случай предложить ученіе свое учителямъ Іудейскимъ; могъ ли Я опустить этотъ случай? Потомъ говорилъ Онъ и ученикамъ своимъ о Себѣ: *Сынъ человеческій не прииде, да послужитъ Ему, но послужити* (Мат. 20, 28); *Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаю Мя и совершу дѣло Его* (Іоан. 4, 34). И дѣйствительно, вся жизнь Его была не иное что, какъ одна непрерывная цѣпь Его благотвореній бѣдствующему человѣчеству. Онъ проходитъ грады и веси; вездѣ проповѣдуетъ Евангеліе царствія Божія; вездѣ призываетъ и убѣждаетъ къ покаянію, вѣрѣ и спасенію; вездѣ благотворитъ—просвѣщая слѣпыхъ, возставляя хромыхъ, укрѣпляя разслабленныхъ, изцѣляя бѣсноватыхъ, врачуя всякіе недуги, воскрешая мертвыхъ, и, что всего важнѣе, отпуская грѣхи самымъ явнымъ, но вѣрующимъ и кающимся, грѣшникамъ; и не творитъ ни одного дѣла и чуда, какъ только благотворнаго и спасительнаго для человѣковъ, и дѣлаетъ все съ такою заботливостію, что дѣло нашего спасенія составляетъ

для Него не менѣе необходимую потребность, какъ пища для нашей жизни: *Мое брашно есть, да сотворю волю послѣдоваго Мя, и совершу дѣло Его* (Іоан. 4, 34). Не намъ ли слѣдовательно посвящена была вся Его дѣятельность во время всей Его земной жизни?

Говорить ли еще о лишеніяхъ, кои Іисусъ Христосъ испыталъ во всей жизни своей, и по своей волѣ, и по волѣ или дѣйствию другихъ, и кои у насъ составляютъ самый ясный признакъ того, что человѣкъ не живетъ для себя, но для другихъ?—*Сынъ человѣческій не придетъ, да послужитъ Ему* (Мат. 20, 28); *Сынъ человѣческій не имать идъ главы поклонити* (Мат. 8, 20); *Сынъ человѣческій не ищетъ своей славы за свои дѣла* (Іоан. 6, 15); *Сынъ человѣческій не ищетъ своей воли въ своихъ дѣствіяхъ* (Іоан. 6, 38); Сынъ человѣческій не располагаетъ даже своею жизнію (Мат. 26, 29. Фил. 2, 6—8); Сынъ человѣческій предается однимъ изъ учениковъ своихъ, судится беззаконными судіями, осуждается на крестную смерть, взываетъ къ Отцу и не получаетъ отвѣта, наконецъ, среди поруганій и мученій умираетъ:—можно ли еще далѣе простираť лишенія, какія только можетъ испытать природа человѣческая, и которыя для Богочеловѣка тѣмъ должны были быть и важнѣе и острѣе, чѣмъ невиннѣе и важнѣе Лице страдающее?—И однакожъ всѣ такія лишенія—для того, чтобы изъ всей жизни Христовой не оставалось, такъ сказать, ни одного мгновенія для Него самаго, но вся Его жизнь, вся безъ остатка, была посвящена собственно спасенію человѣковъ. *Сынъ человѣческій не придетъ, да послужитъ Ему, но послужити* (Мат. 20, 28). *Крещеніемъ и мамъ креститися, и како удер уся, доидеже скончаются* (Лук. 12, 50)? *Аминь аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, мнози плодъ сотворитъ. И аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, т. е. преданъ смерти, вся привлеку къ себѣ* (Іоан. 12, 24. 32). Кто измѣритъ та.

кую любовь Христову къ намъ грѣшнымъ? И какое сердце будетъ такъ безчувственно, чтобы не возчувствовало такой любви и не расположилось, въ знакъ своей признательности, послѣдовать примѣру Христову?

И такъ, Слуш., вотъ примѣръ, который, согласно ученію Апостоловъ, мы должны принять себѣ для подражанія; примѣръ, по которому и мы, подобно Христу, во всей жизни своей должны жить не для себя, но для нашихъ ближнихъ; т. е. должны не свое собственное благо поставлять цѣлюю всѣхъ своихъ дѣйствій или даже дѣйствій самыхъ ближнихъ, но именно благо нашихъ ближнихъ, если бы даже на это потребовалось отъ насъ и самой жизни нашей; ибо сіе-то и составляетъ верхъ нашей любви къ ближнимъ, *да кто душу свою положитъ за други своя*, какъ говоритъ Самъ Іисусъ Христосъ (Іоан. 15, 13). Ужели должно противъ сего ожидать какихъ либо возраженій?—возраженій, что не жить для себя, и жить только для другихъ, вовсе не возможно?

Какъ не возможно? Есть ли что либо и гдѣ либо, что бы существовало собственно для себя, а не для другихъ существъ? Для себя ли, напр. въ видимой природѣ—солнце и луна, земля и вода, огонь, воздухъ, дерева, камни, птицы, рыбы, всѣ животныя? Не посылаются ли самые Ангелы въ служеніе человѣкамъ (Евр. 1, 14)?

Какъ не возможно? Не обязаы ль мы уже самую общественную жизнь нашу ко взаимному другъ другу служенію? Ибо въ обществѣ никто не живетъ безъ какойнибудь обязанности; а всякая обязанность въ исполненіи своемъ есть видъ служенія нашего ближнимъ. Если невозможно, то какъ же это мать всею жизнью своею живетъ для своего дитяти? Какъ воинъ несетъ всю свою жизнь на смерть за отечество? Какъ судія проводить все время свое въ скучномъ разбирательствѣ житейскихъ нашихъ распрей? Какъ всякой высшій сановникъ, духовный или государс-

твенный, видимо посвящаетъ всего себя отечеству, а слѣдственно и всѣмъ соотечественникамъ своимъ, когда принимаетъ на себя такое званіе, котораго многочисленныя, многосложныя, многотрудныя обязанности—онъ знаетъ, что—наполнять все его время?—Скажемъ больше: живя въ обществѣ, мы даже не можемъ не жить для другихъ, ежели не откажемся вовсе ужь отъ всякой дѣятельности; ибо дѣйствуя, мы, волею или неволею, съ вѣдома или безъ вѣдома нашего, всегда удѣляемъ что нибудь нашимъ ближнимъ, что обращается имъ во вредъ или въ благо. Но когда говоримъ, что должно жить для другихъ, говоримъ только то, чтобы всѣ наши дѣйствія съ нашего вѣдома и по нашему намѣренію приносили ближнимъ всегда одно благо.

Какъ не возможно?—Если мы—христіане, то конечно, и жить должны по закону христіанскому. Но что заповѣдуетъ христіанскій законъ? *Люби ближняго твоего, какъ самаю себя* (Мат. 22, 39); *никто не ищи своего, но каждый ищи пользы другаго* (1 Кор. 10, 24); *не о себѣ только каждый изъ васъ заботься, но каждый и о другихъ, ибо въ васъ должны быть также чувствованія, какія и во Христѣ Иисусѣ* (Фил. 2, 4. 5). *Не себѣ угождать; но каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему во благо, къ созиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ* (Римл. 15, 1. 2. 3). Что во всѣхъ сихъ правилахъ заповѣдуются, если не то, чтобы мы жили для ближнихъ? Кто же заповѣдуетъ? Иисусъ Христосъ и Его Апостолъ. Могли ли они обязывать насъ къ невозможному?—Чтобы лукавая плоть наша не смѣла почитать заповѣдей Христовыхъ невозможными для себя, Христосъ не предложилъ только намъ сіи заповѣди, но и самымъ дѣломъ Самъ исполнилъ ихъ прежде. Посему, какъ Богъ, Онъ не заповѣдуетъ намъ невозможнаго; а какъ Богочеловѣкъ, Онъ представляетъ намъ и примѣръ того, что намъ заповѣдуетъ. И такъ можетъ ли быть какая либо заповѣдь

Его для насъ невозможно? А слѣдовательно и заповѣдь— жить не для себя, но для другихъ?

Притомъ когда Евангеліе требуетъ отъ насъ, чтобы мы жили для другихъ, оно не выводитъ насъ изъ порядка общественной жизни, и не лишаетъ насъ того, что мы въ сей жизни имѣть почитаемъ для себя нужнымъ. Напр. оно не запрещаетъ намъ имѣть собственность; но требуетъ, чтобы мы ею дѣлились со всякимъ ближнимъ, нуждающимся и требующимъ у насъ пособія (Еф. 4, 28. 2 Сол. 3, 11. 12. 1 Тим. 6, 17. Мат. 5. 42). Или, оно не запрещаетъ намъ заслуженныхъ нами почестей; но требуетъ, чтобы мы не гордились ими предъ ближними, но *братолюбіемъ другъ ко другу* были *любезны*; и чѣмъ кто выше, тѣмъ тотъ, поелику больше можетъ, больше и служилъ бы своимъ ближнимъ, дѣлая имъ всякое добро (1 Тим. 5, 17 Римл. 12, 10. 15, 1). Не возможно ли слѣдовательно жить для другихъ, не выходя изъ порядка общественной нашей жизни?

Но изъ противоположности дѣло представится яснѣе. Что вышло бы, если бы, въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ рѣшился жить только для себя, а не для другихъ? Тогда бы мы должны были оставить всѣ общественныя наши обязанности; иначе невольно, болѣе или менѣе будемъ жить для другихъ; а этого мы не хотимъ. Тогда бы мы должны были прервать и всѣ частныя сношенія свои съ ближними; иначе опять невольно будемъ жить для другихъ; а этого мы не хотимъ. Тогда бы мы должны были сами собою, безъ помощи другихъ, устроить и охранять собственное свое благосостояніе; ибо мы не могли бы ожидать себѣ отъ другихъ того, чего для нихъ не хотимъ дѣлать. Тогда бы мы должны были наконецъ удалиться изъ общества самымъ дѣломъ, какъ отдѣлились отъ него сердцемъ или, оставаясь въ обществѣ,—страшный плодъ самолюбія;— *угрызать и сипдаты другъ друга*, какъ говоритъ Апостоль, *пока не истребимъ другъ друга* (Гал. 5, 15). Словомъ, са-

молюбіе было бы самою ужасною язвою для всѣхъ насъ, если бы оно, по несчастію, взяло перевѣсъ въ нашей нравственности, а отсель и въ нашей жизни. Отъ чего всѣ эти бѣдствія, кои мы въ жизни тершимъ иногда другъ отъ друга, если не отъ необузданнаго самолюбія?—Что напротивъ объщаетъ правило, обязывающее насъ жить для другихъ? Точнѣйшее исполненіе нашихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей, искреннее доброжелательство другъ другу, взаимное радушіе и услужливость, общую заботливость о взаимномъ благѣ, и за тѣмъ, какъ общее, такъ и частное благосостояніе. *Братъ отъ брата помогаетъ, яко градъ твердъ и высокъ*, говоритъ Духъ Божій (Прит. 18, 19).

Скажетъ ли послѣ сего кто либо, что потому въ нашихъ обществахъ нельзя жить для другихъ, и не жить для себя, что и другіе живутъ для себя, а не для другихъ, особенно же нельзя жить для тѣхъ, кои насъ оскорбляютъ? Положимъ, что въ жизни общественной такъ бываетъ: поспрошу тебя, христіанинъ-слушатель, словами самаго Спасителя: *если ты будешь любить только любящихъ тебя, то какой тебѣ ожидать награды?—и мытари не тоже ли дѣлаютъ? И если ты будешь оказывать пріязнь только друзьямъ твоимъ; что особеннаго ты сдѣлаешь?—и язычники не тоже ли дѣлаютъ* (Мат. 5, 46. 47)? Не видишь вокругъ себя ни мытарей, ни язычниковъ?—видишь людей, преданныхъ міру, которые, подобно мытарямъ и язычникамъ, не живутъ жизнію христіанскою, но любятъ любящихъ ихъ и оказываютъ пріязнь друзьямъ своимъ: скажи же, чѣмъ ты докажешь христіанское преимущество свое предъ ними, ежели будешь поступать не лучше ихъ, будешь жить только для друзей и своихъ, а не и для непріятелей и чужихъ, —преимущество, что ты истинный христіанинъ, вообразившій въ себя Христа точнымъ подражаніемъ. Его примѣру?—Но мысль о непріятеляхъ нашихъ возбуждаетъ мысль о врагахъ Христовыхъ, и снова обращаетъ насъ къ Пер-

вообразу нашему Иисусу. Такъ ли Онъ смотрѣлъ на огорченія, Ему причиненныя,—Онъ одинъ, невинно терпѣвшій отъ человѣковъ? Пройдемъ съ Нимъ отъ Геосиманскаго сада до Голгофы. Вотъ Его берутъ, связываютъ, ведутъ на судъ неправедный и незаконный, гдѣ будутъ судить Его Его враги: что же Онъ?—молчить. Вотъ Ему причиняютъ поруганія; Его бьютъ и заушаютъ, плюютъ Ему въ лице и насмѣшливо пытаются Его всевъденіе: *прорцы намъ, Христе, кто есть ударей Тя* (Мат. 26, 67. 68); облакаютъ Его въ багряницу, даютъ Ему въ руку трость, вѣнчаютъ Его вѣнцемъ терновымъ, поклоняются Ему, и ругаются: *радуйся, Царю Іудейскій!* (27, 29) и, поругавшись, ведутъ на пропятіе (ст. 31): что же Онъ?—молчить. Вотъ Онъ на крестѣ, и—новыя на Него ругательства: *Разоряяй церковь и и трети деиши созидаяй, спасися Самъ; аще Сынъ еси Божій, спиди со креста* (ст. 40). *Иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти? Аще Царь Израилезъ есть, да спидеть ныль со креста, и впруемъ въ Нею. Упова на Бга: да избавитъ ныль Его, аще хоцетъ Ему; рече бо, яко Божій есмь Сынъ* (ст. 42, 43). Поносили Его самые разбойники, тутъ же висѣвшіе на своихъ крестахъ (Лук. 23, 29); а у креста, между тѣмъ, стоитъ терзающаяся Матерь и ученикъ возлюбленный — свидѣтели, судя по человѣчески, не утѣшающіе, но присутствіемъ своимъ еще болѣе раздражающіе душу Страдальца: что же Иисусъ?—молчить, или нѣтъ, молится Отцу своему за своихъ ругателей: *Отче! отпусти имъ: не видятъ бо что творятъ* (Лук. 23, 24). „Что ты потерпѣлъ“, говоритъ при семъ Св. Златоустъ, „подобнаго тому, что потерпѣлъ Господь твой? Былъ ли ты посрамленъ публично? но, конечно, не такъ, какъ Онъ. Тебя били? но, конечно, не по всему тѣлу, не обнажали, не мучили. Заушали тебя? но опять, конечно, не такъ. Къ сему прибавь—кто, за что, когда?—И, что всего важнѣе, въ то время, когда такъ поступали съ Иисусомъ, никто на то не негодовалъ, никто тѣмъ не

оскорблялся; напротивъ, всё то хвалили, всё вмѣстѣ издѣвались и посрамляли Его, какъ человѣка, который не можетъ словъ своихъ оправдать дѣлами: а Онъ, между тѣмъ, молчалъ, подавая намъ безцѣнное врачество—долготерпѣніе“. (Бесѣд. 87 на Евангеліе отъ Матѣе).

Послѣ примѣра, такъ поразительнаго, нужны ли еще для христіанъ убѣжденія, чтобы никто изъ нихъ не только не жилъ собственно для себя, но, и живя для другихъ, не различалъ между ними и не исключалъ самыхъ враговъ своихъ?—Христосъ пострадалъ по насъ; не должна ли уже одна признательность побуждать насъ подражать Ему, какъ скоро Онъ того хочетъ? Но Онъ и требуетъ того; ибо, пострадавъ по насъ, Онъ оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. И что мы будемъ за христіане, ежели не будемъ ни слушать Его заповѣдей, ни подражать Его примѣру? Надобно еще помнить и то, что, какъ разсуждаетъ Апостоль Іоаннъ, *кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ есть; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ* (1 Іоан. 4, 20)?—То, есть, въ любви къ ближнимъ, готовой положить за ближнихъ самую жизнь свою, состоитъ упражненіе любви нашей къ самому Богу.

И такъ Христу, пострадавшу за ны плотию, и мы слущ.. *въ ту же мысль вооружимся* (1 Петр. 4, 1); какъ Онъ душу свою положилъ за насъ, такъ и мы будемъ полагать души свои за своихъ братьевъ (1 Іоан. 3, 16). Аминь.

П О У Ч Е Н І Е на литургіи въ великую субботу.

Пѣть здѣ: воста, якоже рече (Матѣ. 28, 6)

При этой первой вѣсти, на переходѣ отъ скорби и сѣтованія о смерти къ радости и веселію о воскресеніи Иисуса Христа не безвременно припомнить слова Апостола, что *И. Христосъ предавъ бытъ за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (Римл. 4, 25); а вмѣстѣ съ симъ и привѣтствовать васъ съ живою радостію, какъ того, что отнынѣ грѣхи наши намъ прощены, ибо за нихъ-то, и для очищенія ихъ Христосъ и предаль себя на смерть, такъ и того, что отнынѣ и сами мы удобно можемъ дѣлаться праведными, ибо Христосъ воскресъ за оправданіе наше, дабы содѣлать насъ праведными, или, какъ иными словами выражается тотъ же Апостоль, *да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣламъ* (Тит. 2, 24), такъ что, какъ самъ Онъ *воста отъ мертвыхъ славою Отцего*, такъ и мы во обновленіи жизни, въ новой, святой жизни, *ходити начнемъ* (Римл. 6, 4).

Итакъ спѣшу, въ самыя первыя минуты, спѣшу привѣтствовать васъ, братія моя возлюбленныя, съ этою сугубою радостію, что и грѣхи намъ прощены, ради смерти Христовой, и мы сами будемъ безгрѣшнѣе по силѣ воскресенія Христова. Радуйтеся, и еще повторяю, радуйтеся.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не радоваться намъ грѣшнымъ, когда неоплатныя наши вины прощаются намъ даромъ, безъ всякаго съ нашей стороны удовлетворенія, за одну вѣру во Христа, какъ Посредника, который взялъ на себя всѣ наши долги, претерпѣлъ за нихъ то, что намъ слѣдовало бы потерпѣть или умеръ тою смертію, которою намъ

надлежало умереть?—Если бы кто былъ уже осужденъ, приговоренъ и веденъ на смерть, но вдругъ явился бы человекъ и поставилъ себя вмѣсто виновнаго подъ мечъ: ужели бы спасенный былъ столько безчувственъ, что необрадовался бы столь счастливой для себя переменѣй? — Въ такомъ же положеніи были и мы безъ Христа; но такое же спасеніе и мы чрезъ Христа приобрѣли. Какъ же намъ не радоваться, когда наше состояніе самъ Духъ Божій называетъ блаженнымъ, говоря чрезъ пророковъ; *блаженн, иже отпустишася беззаконія и иже прикрывшася грѣхи. Блаженъ мужъ, емуже не вѣмнитъ Господь грѣха* (Рим. 4, 7, 8). Но что говорить мнѣго? Я недумаю, чтобы кто изъ васъ и самъ уже не помышлялъ или не говорилъ о такомъ блаженствѣ, равно какъ и о томъ, что оно приобрѣтено намъ смертію Христовою. Но не знаю, всякій ли изъ васъ проводитъ сію утѣшительную истину въ глубину души своей, всякій ли успокоиваетъ и радуется свою совѣсть, и такимъ образомъ радости, изъ гроба Христова намъ возсіявшей, даетъ весь просторъ во всемъ существѣ своемъ, такъ чтобы и кости его рекли: *Господи, Господи: кто подобенъ Тебѣ* (Пс. 34, 10). Если кто такъ еще не проникнуть радостію, тотъ окинь хотя бѣглымъ взглядомъ обстоятельства, окружающія смерть Христову. Еще въ раю, тотчасъ послѣ паденія было слово о Христѣ—подъ именемъ сѣмени жены и о побѣдѣ Его надъ грѣхомъ—подъ выраженіемъ, что это сѣмя сотретъ главу змія, т. е. діавола, начальника грѣха, со всѣми нашими грѣхами. Потомъ мысль объ очищеніи грѣховъ нашихъ Христомъ была предметомъ вѣры Патріарховъ, и Авраамъ видѣлъ въ судьбѣ Исаака своего день Христовъ, и видѣлъ и радовался, какъ подтвердилъ самъ І. Христосъ. Далѣе таже истина была на устахъ всѣхъ пророковъ, и справедливо прозванный изъ нихъ Евангелистомъ, Пророкъ Исаія, прямо говоритъ о Христѣ: *Сей грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ: язвою Его мы*

изцпльгомъ.—Далѣе тажа истина была главною мыслію всѣхъ Евангелій и посланій Апостольскихъ, что, то есть, *ниедино уже кинь осужденіе сущимъ о Христѣ Исусѣ* (Рим. 8. 1.).—Наконецъ вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ церковь и въ поученіяхъ учитъ, и въ священнодѣйствіяхъ изображаетъ и въ пѣснопѣніяхъ поетъ, что *Христосъ есть очищеніе грѣховъ нашихъ, и не нашихъ только, но и грѣховъ всего міра* (Іоан. 2, 2.). Къ чему жъ все это? Къ чему жъ такой облакъ свѣдѣтельствъ и свѣдѣтелей? Къ чему увѣренія самаго Христа, что Онъ предалъ Себя именно, чтобы отпустить намъ наши грѣхи? Ужели все это по напрасну? Какъ это возможно? Если ужъ въ этомъ не увѣряться всею вѣрою; то для насъ и нѣтъ ничего вѣрнаго.—Слишкомъ дерзновенно было бы самимъ себѣ увѣрять, что Богъ—даромъ проститъ намъ всѣ наши грѣхи: но когда говоритъ Духъ Божій, что Христосъ предалъ себя за прегрѣшенія наша, тогда составило бы неизвинительную дерзость не вѣрить всѣмъ сердцемъ, что грѣхи наши прощаются ради смерти Христовой, и *ниедино уже кинь намъ осужденіе, намъ сущимъ о Христѣ Исусѣ.* Радуйтесь же, всею душою радуйтесь!

Но вмѣстѣ радуйтесь и о томъ, что Христосъ *возсталъ за оправданіе наше*, что по силѣ воскресенія Его мы удобно можемъ сами дѣлаться день ото дня праведнѣе. Мы радуемся, когда послѣ долгой болѣзни увѣряемся въ скоромъ выздоровленіи, радуемся, когда послѣ мрачныхъ дней какаго либо бѣдствія возсіяваютъ намъ свѣтлыя дни счастья, радуемся даже всякой любимой обновѣ; какъ же не радоваться при мысли, особенно при увѣренности въ обновленіи нашей жизни, объ этомъ нравственномъ выздоровленіи, объ этой свѣтлой зарѣ нашего блаженства? Если кто не можетъ себѣ вообразить вполне того блаженства, которое раскрывается въ душѣ, когда онъ усовершеняется въ добродѣтели, тотъ сдѣлай хотя постепенное срав-

неніе, начавъ съ пріятнаго чувства, какимъ онъ наслаждался, сдѣлавши какое нибудь доброе дѣло. Не можетъ быть, чтобы у васъ добрыхъ дѣлъ не было: скажите жь, не правдали, что всякое доброе дѣло ваше сопровождалось пріятнымъ душевнымъ чувствомъ? Теперь дозвольте себѣ въ одинъ день сдѣлать, вмѣсто одного, десять такихъ добрыхъ дѣлъ: неудесатерится ли въ одинъ день сердечное ваше блаженство? Что жь, если вы побудите себя и въ каждый день совершать хотя по десяти добрыхъ дѣлъ: не будутъ ли въ этой же мѣрѣ умножаться и сердечныя ваши удовольствія? Но онѣ будутъ еще увеличиваться, т. е. удовольствіе послѣ втораго добраго дѣла бываетъ вдвое пріятнѣе, чѣмъ послѣ перваго; потому что сама душа наша и усиливается съ дѣятельностію и расширяется для радости, когда переходитъ отъ добродѣтели къ добродѣтели. Не вѣрьте тѣмъ, которые мрачными красками изображаютъ жизнь добродѣтельную, праведную, святую. — Вамъ представляютъ одну наружную сторону кающихся; здѣсь точно много болѣзненнаго; но вамъ не открываютъ, или лучше отъ васъ скрываютъ сторону внутреннюю, гдѣ подъ болѣзненною внѣшностію скрываются благодатныя утѣшенія, гдѣ сладкое блаженство возрастаетъ по мѣрѣ преслѣванія въ добродѣтеляхъ и возможно ли, чтобы, тогда какъ сердце веселится добродѣтельно, не цвѣло лицо радостію? — Для насъ не понятно, какъ святые всѣхъ возрастовъ, званій и пола, съ радостію преклоняли нѣкогда за имя Христова свои главы подъ мечь? — Но если бы и нынѣ чье сердце было проникнуто всею сладостію любви къ другу своему; чѣмъ бы тотъ не пожертвовалъ, на какія лишенія не рѣшился, только бы вполне упиться блаженствомъ своей геройской любви? Потому-то Апостоль Павелъ и говоритъ, что ради того блаженства, которое проливаетъ въ душу человѣка пламенная любовь къ Богу, вѣрующаго ничто не можетъ разлучить отъ любви Божіей: *ни смерть, ни животъ, ни анге-*

ла, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная какая тварь, хотя бы надлежало умирать ежечасно (Рим. 8, 35—39). Если жь для насъ отнынѣ возможно такое обновленіе жизни, и если въ такомъ обновленіи столько райскаго блаженства: то какъ намъ не радоваться? Но оно возможно именно по силѣ воскресенія Христова. Мы на все грѣшимся, какъ скоро въ комъ совершенно увѣрены, кому душевно преданы, кого всѣмъ сердцемъ любимъ: — но вотъ Христось воскресъ изъ мертвыхъ: можемъ ли мы не быть увѣрены въ томъ, что Онъ, какъ до смерти еще увѣрялъ, есть истинно Сынъ Божій, Самъ Богъ, пришедшій насъ спасти? Ибо если бы это было иначе: то Онъ умереть могъ бы такъ, какъ умеръ; но ужь не воскресъ бы; ибо лжеца, какъ называли Его богохульные Іудеи, Богъ не воскресилъ бы. Можемъ ли послѣ такой увѣренности не предаться Христу всѣмъ сердцемъ, чтобы отъ него получить спасеніе? Противное не возможно; въ крайности хватаются и за послѣднюю доску: но предъ нами самъ Богъ Спаситель пришедшій собственно для того, чтобы насъ спасти: какъ же намъ не ухватиться за Него всѣми силами своей души, какъ не предаться Ему всѣмъ своимъ существомъ? А послѣ такой увѣренности и преданности можно ли возлюбить такаго Спасителя? Любовь возбуждаетъ любовь, какъ и огонь возжигаетъ огонь; но такой любви, какую явилъ намъ Богъ въ Единородномъ Сынѣ своемъ, Самъ Богъ болѣе не можетъ уже явить намъ. — Какихъ же добродѣтелей не ожидать отъ себя самихъ, если только въ нашемъ сердцѣ есть такая увѣренность въ Христѣ Иисусѣ, такая къ Нему преданность, такая къ Нему любовь? Это будетъ печальное чудо, если не сдѣлаемся послѣ самага воскресенія Христова добродѣтельныѣ, безгрѣшныѣ, праведныѣ, святыѣ?

Радуйтесь же, братіе, что Христось преданъ былъ на смерть ради прощенія намъ нашихъ грѣховъ и воскресъ изъ мертвыхъ для оправданія нашего, чтобы намъ день ото дня,

съ часу на часъ дѣлаться болѣе добродѣтельными. — Не спросятъ, конечно, меня, отъ чего прежде воскресеніе Христова не производило людей добродѣтельныхъ. Богъ знаетъ, можетъ быть, производило и прежде, или лучше, не можетъ быть, чтобы не производило; только избранные одному Богу извѣстны; а если когда не производило, такъ это отъ того, что не останавливали должнаго вниманія на таинства и силъ смерти и воскресенія Христова. Богъ не спасаетъ насъ безъ насъ. — Вотъ и для васъ не могу въ заключеніе не припомнить наставленія Апостольскаго: *Не вѣстели, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ: очистите убо ветхий квасъ, да будете новосмѣшеніе, якоже есте бесквасни: ибо пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ. Тъмъ же да празднуемъ, не въ квасъ ветель, ни въ квасъ злобы и лукавства, однимъ словомъ, не въ грѣхъ, но въ бесквасиихъ чистоты и истины* или въ христіанскихъ добродѣтеляхъ (1 Кор. 5, 6—8). Аминь.

С Л О В О

на вечерни святой пасхи;

И се Иисусъ сръте я (мироносицъ), глаголя: радуйтеся. [Мат. 28, 9].

„Однажды была на мнѣ рука Господня, которая вывела меня на поле, полное костей человѣческихъ, и обвела меня кругомъ ихъ, и вотъ ихъ великое множество, и всѣ они весьма сухи. И сказано мнѣ: сынъ человѣческій! оживутъ ли кости сіи? Я отвѣчалъ: ты знаешь, Господи! Голосъ продолжаетъ: скажи этимъ костямъ: кости сухи! слышите слова Господа, который говоритъ вамъ: я введу въ васъ духъ жизни, дамъ вамъ жилы, наведу на васъ плоть, простру по васъ кожу, введу духъ мой въ васъ, и вы оживете. Я проговорилъ костямъ, что мнѣ было пове-

лѣно, и когда еще говорилъ, вдругъ слышу шумъ, и все сотряслось; кости стали совокупляться каждая къ своему суставу, и вотъ у нихъ жилы обрастають плотію, покрываются кожею, но духа жизни въ нихъ еще не было. И опять мнѣ сказано: проговори, сынъ человѣческой, и о духѣ, и скажи: приди, духъ, отъ четырехъ сторонъ и дохни на мертвецовъ сихъ, чтобъ они ожили. Я проговорилъ, что мнѣ сказано, и вошелъ въ нихъ духъ жизни, и ожили, и встали на ноги, и вотъ ихъ великое множество“ (Іезек. 37, 1—10).

Такъ рассказываетъ свое видѣніе пророкъ Іезекиль. Поле, видѣнное Пророкомъ, есть наша жизнь; кости сухія—это всѣ мы грѣшныя, чуждыя жизни Божіей, а потому и духомъ мертвые, и тѣломъ умирающіе; оживленіе костей есть наше воскресеніе, духовное и тѣлесное. Оживутъ ли же эти кости сухія, какъ видѣлось Пророку? Отвѣтъ на сіе, опредѣленный, ясный и осязательный слышимъ всѣ мы, братіе, въ настоящія минуты, когда слышимъ, что Христосъ воскресъ. Христосъ воскресъ, и мы воскреснемъ, ибо Онъ есть начатокъ и первенецъ изъ мертвыхъ.

Радуйтесь же, братіе, привѣтствую васъ въ сію минуту тѣмъ же сладкимъ привѣтомъ, которымъ привѣтствовалъ мгноносицъ самъ Христосъ, воскресшій и по воскресеніи въ первый разъ съ ними встрѣтившійся. Радуйтесь! кости сухія оживутъ, умершіе воскреснутъ; Христосъ воскресъ, и мы воскреснемъ. Очень ко времени теперь побесѣдовалъ съ вами о нашемъ воскресеніи—предметъ столько къ намъ близкомъ и важномъ: ибо что ближе и важнѣе для насъ собственнаго нашего бытія нынѣ и по смерти? Но не будемъ теперь говорить о воскресеніи духовномъ, о которомъ всякій день вамъ проповѣдуется, и которое состоитъ въ покаяніи, въ удаленіи отъ грѣховъ, въ жизни по евангельскимъ заповѣдамъ. А скажемъ о воскресеніи

тѣлесномъ, котораго примѣръ и ручательство представляются намъ въ живоносномъ воскресеніи Христовомъ.

Мрачно и страшно для насъ лице нашей смерти, но не смотрите на нее простыми глазами, а смотрите чрезъ свѣтлый образъ Христова воскресенія. Христось воскресъ, какъ же мы не воскреснемъ? Если мы не воскреснемъ, разсуждаетъ апостоль Павелъ: то и Христось не воскресъ, то тщетна и проповѣдь наша, тщетна и вѣра наша, и мы лжецы на Бога, когда говоримъ на Него, что Онъ воскресилъ Христа, котораго не воскресилъ (Кор. 15, 12—15). Какъ же мы не воскреснемъ, когда Христось воскресъ? Воистинну воскреснемъ, точно также, какъ самъ Христось воскресъ.

И во первыхъ, воскреснемъ такими же, каковы мы нынѣ, такъ что узнаемъ другъ друга, какъ нынѣ другъ друга узнаемъ; ибо и Христось воскресъ такимъ же, какимъ былъ до смерти. По чудесности и неожиданности воскресенія Его, хотя во всевозможной ясности предсказаннаго, ученики сначала не узнали-было воскресшаго Христа, такъ что, увидѣвъ Его, думали видѣть духъ, призракъ или привидѣніе; но когда Онъ началъ говорить съ ними, далъ имъ осязать Себя, потребовалъ Себѣ пищи, сталъ объяснять имъ Писаніе, какъ объяснялъ прежде; однимъ словомъ, когда и видомъ, и голосомъ, и всѣми обстоятельствами своей личности вошелъ, такъ сказать, въ ихъ понятія и мысли, они тотчасъ узнали въ немъ своего Господа, котораго прежде знали, любили и оплакали. Точно также и мы воскреснемъ такими же, каковы мы нынѣ. Для будущей судьбы своей, которую здѣсь себѣ заготовимъ на всю вѣчность, намъ и необходимо воскреснуть тѣми же, что нынѣ. Почему же необходимо? Какъ по нераздѣльности нашего состава: ибо человѣкъ состоитъ не изъ одной души, какъ ангелъ, и не изъ одного тѣла, какъ низшія твари, но изъ обоихъ совокупно, иначе-нѣтъ чело-

вѣка; такъ и по совершенной точности или соразмѣрности воздаянiя за настоящую жизнь: ибо какъ мы живемъ и дѣйствуемъ здѣсь не одною душою, и не однимъ тѣломъ, а обоими совокупно, то и предъ судилищемъ Христовымъ намъ должно явиться не одною душою, но и тѣломъ, *да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Примѣчаете ли, слушатели, какое блаженство свѣтитъ намъ сквозь самый мракъ смерти? Мы умремъ и воскреснемъ тѣми же, что мы нынѣ, и такъ встрѣтимъ и узнаемъ своихъ ближнихъ, которыхъ здѣсь хоронили и оплакивали на вѣчную разлуку, какъ бы потерю невозвратную. Какая жъ радость—возвратить себѣ то, что считали навсегда для себя утраченнымъ, по тому же общему намъ чувству, по которому и здѣсь всегда намъ такъ сладко свиданiе съ друзьями послѣ долгой или безнадежной разлуки. Что послѣ сего весь мракъ нашей смерти, какъ не одно сильное дѣйствiе загробнаго свѣта на слабые наши глаза, который на время омрачаетъ насъ, подобно тому, какъ дѣйствiе солнца на первый разъ ослѣпляетъ насъ, когда изъ темной комнаты выходимъ на свѣтъ солнечный? Переходъ изъ сей жизни въ будущую, дѣйствительно, есть переходъ изъ страны тьмы въ страну свѣта; но обратимся къ самой увѣренности въ нашемъ воскресенiи. Ужели оно кому еще не вѣрится? Не вѣрилось сперва и Апостоламъ Христово воскресенiе, однакоже Христосъ истинно воскресъ, и поносилъ невѣрствiе ихъ. Тоже будетъ и съ нами невѣрующими,—мы воскреснемъ и будемъ укорять себя, какъ это могли мы не вѣрить, когда всякій разъ видѣли, какъ воскресаютъ злаки, цвѣты, деревья. Развѣ мы у Бога меньше, чѣмъ все это, или какое нибудь сѣно? Но въ какомъ тѣлѣ выдутъ умершіе изъ своихъ гробовъ, вопросъ давно уже разрѣшенный апостоломъ Павломъ. Чѣмъ? тѣмъ, что у насъ всегда предъ глазами. То, что ты, невѣрующій, съешь, не тѣло будущее,

а голое зерно, напр. пшеничное; но Богъ даетъ ему тѣло, какое нужно, и каждому свое—зерну пшеничному умершему тоже тѣло пшеничное будущее (Аор. 15. 35—38). Или нѣтъ, Богъ дастъ вамъ тѣло тоже; да не такое же,—какъ и зерну пшеничному,—даетъ тѣло не такое же умирающее, но тѣло новое, живое, лучшее. Мы воскреснемъ хотя съ тѣми же тѣлами, какія имѣемъ теперь, но несравненно съ лучшими, чѣмъ нынѣ, для того самаго блаженства, какое принесетъ намъ наше воскресеніе. Что для насъ теперешнее наше тѣло, какъ не самая тяжелая докучливая ноша? То не угодишь ему, чѣмъ его лечить отъ болѣзней и поддерживать въ здоровьи, то заботишься, чѣмъ его прикрыть отъ холода и отъ зноя, и все это заботы нескончаемыя, всякій день, если не часъ, возобновляющіяся, и никогда ничемъ не удовлетворяемыя. Привычка, необходимость, иногда тщеславіе какъ-бы облегчаютъ эту заботу, но она остается тѣмъ же, что прежде, или только тяжелеетъ съ часу на часъ въ той мѣрѣ, какъ тѣло поминутно становится все слабѣе, болѣзненнѣе, пока бездыханное не положится во гробъ, гдѣ кончатся и наши о немъ заботы. Что было бы, если бы намъ жить вѣчно съ такимъ тѣломъ? Но утѣшимся и возрадуемся: тѣло наше для того и умираетъ, чтобы ему воскреснуть въ новомъ, несравненно лучшемъ видѣ, въ какомъ воскресло и Христово тѣло. Какъ тѣло Христово въ этой жизни было во всемъ подобно, кромѣ грѣха, нашему тѣлу, такъ наше тѣло по воскресеніи будетъ подобно тѣлу Христову. Онъ здѣсь и алкалъ, и жаждалъ, предавался сну и изнемогалъ отъ скорби до крововаго пота, терпѣлъ болѣзни смертныя, висѣлъ на крестѣ и положенъ въ гробъ. Но этоже самое, такъ уничтоженное, тѣло выходитъ изъ гроба до того совершеннымъ, что ученики думаютъ видѣть не тѣло, а духъ; оно уже тонко, духовно: принимаетъ пищу, но не потому, чтобы алкало, а для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе о

своей истинности; проходить затворенныя двери, за коими ученики трепетали страха ради іудейскаго, но чтобы дать имъ осязать свои язвы.

Какое преображеніе! Но точно тоже произойдетъ съ нашими тѣлами, какъ говоритъ Апостоль. Іисусъ Христось, говоритъ онъ, преобразить смиренное тѣло наше, такъ что оно будетъ сообразно славному Его тѣлу (Фил. 3, 31). И потому изъ тлѣннаго оно воскреснетъ нѣтлѣннымъ, неразрушимымъ, безсмертнымъ; изъ грубаго тонкимъ, свѣтлымъ, прекраснымъ; изъ слабаго и немощнаго (ибо что немощнѣе тѣла распадающагося и тлѣющаго?) сильнымъ и крѣпкимъ; изъ душевнаго, наконецъ, имѣющаго нужду въ пищѣ, воздухѣ, одеждѣ и снѣ,—духовнымъ. Не вѣрится? А между тѣмъ изъ той же персти, которую мы попираемъ, природа выводитъ прозрачный хрусталь и драгоценныя камни. Отраднѣе уже и то, что мы воскреснемъ, ибо созданные для бытія, мы естественно ужасаемся даже мысли объ уничтоженіи: сколько же отраднѣе воскреснуть въ такомъ совершенномъ тѣлѣ? Будемъ подобны самому Христу воскресшему!

Куда же мы, наконецъ, такъ украшенные пойдѣмъ? Туда же, куда и Христось, если только по жизни будемъ сообразны Ему, живя здѣсь по Его заповѣдямъ и по Его примѣру. Онъ, правда, по воскресеніи пребылъ еще на землѣ сорокъ дней, въ продолженіе которыхъ являлся ученикамъ и говорилъ имъ о царствіи Божіемъ, чего прежде они не могли вмѣстить, не укрѣпившись еще въ своей вѣрѣ чудомъ воскресенія Его, и что имъ необходимо было знать, дабы всему міру возвѣстить Его вѣру. Но сказавъ ученикамъ все и совершивъ свое дѣло на землѣ, Христось поспѣшилъ на небо къ Отцу своему и нашему, чтобы вни-ти у Него въ славу свою. Туда же, возлюбленная братія моя во Христѣ, туда же и намъ лежитъ путь по воскресеніи; Христось уже обѣщаль: гдѣ буду Я, тамъ будетъ и

слуга мой (Иоан. 12, 26). *Аще воскреснете со Христомъ, убѣждаетъ Апостоль, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богъ. Егда Христосъ явится, животъ вашъ: тогда и вы съ Нимъ явитесь во славу* (Кор. 3, 1—4). Для того мы и созданы и искуплены, для того мы и человѣки и христіане, для того намъ даны и душа разумная и тѣло, такъ премудро устроенное, и блага природы и благодать вѣры, для того намъ жизнь и настоящая и будущая, время и вѣчность, всѣ наши обязанности и всѣ наши надежды, чтобы намъ вѣчно жить со Христомъ въ Богѣ. Что же можетъ быть сего вождельниѣ? Если бы какой начальникъ добрый позвалъ насъ къ себѣ на праздникъ: какъ бы мы были тѣмъ обрадованы и восхищены! Но здѣсь, о братія святая, званія небеснаго причастницы! Здѣсь насъ зоветъ къ себѣ Царь неба и земли, Иисусъ Христосъ, столько насъ возлюбившій, что Себя предалъ за насъ, и Самъ проложилъ намъ къ себѣ путь черезъ гробъ, и воскресъ, чтобы насъ воскресить: кто измѣритъ такое блаженство?

Итакъ намъ, чающимъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, остается приложить все попеченіе о томъ, чтобы содѣлаться въ своей жизни подобными Иисусу Христу, и Онъ воскреситъ насъ въ жизнь вѣчную, преобразитъ теперешнее тѣло наше въ подобное славному своему тѣлу, и введетъ насъ въ наслѣдіе славы своей въ Богѣ. Въ сіи же самыя минуты, братія мои, предайтесь всею мыслию и чувствомъ свѣтлой радости о воскресеніи Христовомъ, и сія радость будетъ сѣменемъ и начаткомъ радости и о собственномъ нашемъ воскресеніи. *Христосъ воскрес!* Отвѣтствуйте и сердцемъ и устами: *воистинну воскрес!* Аминь.

С Л О В О

ца Вознесеніе Господне.

Предъ ними же (Апостолами) и постави (И. Христось) себе жива по страданіи своемъ, во многихъ истинныхъ знаменіяхъ деньми четьредесятьми являясь имъ и глаголя: яже о царствіи Божіи. [Дѣян. 2, 3].

Сорокъ дней провелъ на земли Іисусъ Христось отъ дня своего Воскресенія изъ мертвыхъ до Вознесенія на Небо.

Что Онъ въ это время дѣлалъ? Святой Лука повѣствуетъ, что Онъ въ сіе время съ одной стороны довершалъ въ Апостолахъ убѣжденіе въ Его божествѣ разными знаменіями, а съ другой—довершалъ наученіе ихъ относящемуся до царствія Божія, какъ Онъ обыкновенно называлъ Церковь свою на землѣ и Вѣру свою въ душахъ вѣрующихъ;—и заключилъ повтореніемъ своего обѣщанія о посланіи имъ и о сошествіи на нихъ Св. Духа, который укрѣпитъ ихъ и наставитъ на всякую истинну. Кратко пишетъ Апостоль, не объясняя ни чудесъ, сотворенныхъ Господомъ въ сіи сорокъ дней, ни того, что Онъ говоритъ ученикамъ о Царствіи Божіемъ; но о чудесахъ мы знаемъ отчасти изъ Евангелій, особенно изъ 21 главы Іоаннова о чудесномъ ловѣ рыбы; а о Царствіи Божіи должны заключать изъ постановленій въ Церкви, которыя ведутъ свое начало отъ Апостоловъ, которыя не описаны въ книгахъ Новаго Завѣта и которыя сохранились и до насъ дошли, какъ въ непрерывномъ употребленіи Церковномъ, такъ и въ писаніяхъ самихъ Апостоловъ, учениковъ Апостольскихъ и Отцевъ Церкви, составляющихъ для насъ двойное преданіе Церковное, письменное и практическое, для насъ столько же важное, почтенное и обязательное, какъ

и все заключающееся въ Св. Писаніи;—потому что къ учрежденію такихъ постановленій въ Церкви Апостолы приступили тотъ—часъ послѣ сорокодневнаго послѣдняго отъ Христа наученія и по принятіи обѣщанной имъ свыше силы, или Св. Духа.—Какія это постановленія?—Ученіе Вѣры, правила жизни, и Богослужебныя священнодѣйствія: поговоримъ о нихъ нѣсколько, ибо знать ихъ необходимо нужно, тѣмъ болѣе, что между нами же есть или того невѣдущіе, или правильно неразумѣющіе, или превратно себѣ и другимъ объясняющіе.

Ученіе Вѣры относится до ума человѣческаго, который не самъ изобрѣлъ Вѣру, но получилъ ее отъ Бога, и слѣдственно не иначе можетъ ее знать, какъ научившись оной. Она отъ самаго Бога предана намъ въ Св. Писаніи. Какъ человекъ не вдругъ все познаетъ, такъ не вдругъ можетъ изучить и вѣру въ Писаніи; а потому ему необходимо ученіе постепенное. Церковь, принявши въ свое руководство всякаго вѣрующаго, постепенно научаетъ его вѣрѣ, начиная питать его какъ бы млеко, какъ младенца, пока онъ возрастетъ до способности питаться пищею твердою, свойственною возрастнымъ. Млеко—это первоначальныя, коренныя и самыя простыя истины Вѣры, составъ коихъ въ Церкви называется символомъ вѣры. Такой-то символъ вѣры съ самаго начала и составили Апостолы, который потому и называется Апостольскимъ, и которому основаніе заключается въ самой первой заповѣди Христовой—Апостоламъ крестить, а вѣрующимъ креститься во имя Отца, и Сына и Св. Духа; дальнѣйшее развитіе и распространеніе онаго состояло въ присоединеніи другихъ существенныхъ членовъ вѣры, какихъ требовало состояніе вѣрующихъ, пока наконецъ не составился опредѣленный и рѣшительный, къ котороту уже ничего не должно прибавлять, какъ и отъ него отнимать, символъ Никейскій, который мы нынѣ исповѣдуемъ,—основанный

на Апостольскомъ, какъ сей на Христовомъ. Не въ осужденіе, а въ собственное предостереженіе нельзя здѣсь не упомянуть о прибавленіи къ Никейскому символу вѣры о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына, сдѣланномъ Римскою Церковію уже спустя тысячу лѣтъ отъ Апостоловъ, чѣмъ сія вѣра и отличается отъ Восточной и отъ нашей. Само собою видно, какъ это прибавленіе не прилично, чтобъ не сказать неизвинительно, послѣ того, какъ символъ Никейскій долженъ быть для всей Христовой Церкви одинъ и безъ всякаго прибавленія или измѣненія. Но дѣло Божіе разсудить Самъ Богъ; а наше дѣло благоговѣйно держаться одного нашего символа, какъ основаннаго на Апостольскомъ, и чрезъ Апостоловъ, на Христовомъ, и слѣд. имѣющемъ важность Божественную. Но есть умы, къ несчастію даровитые, но тѣмъ болѣе дерзновенные, которые не боятся превращать Вѣру Апостольскую, и составлять себѣ свою собственную Вѣру. Что они дѣлаютъ? Отнимаютъ себя у вѣры, какъ и у себя вѣру, которою одною спастись можно. Бѣдные мудрователи себѣ на погибель! У нихъ нѣтъ смысла даже настолько, чтобы заключать отъ прошедшаго къ будущему, отъ дѣйствительнаго къ возможному, отъ сбывшагося на нихъ самихъ къ тому, что будетъ съ ними же впередъ. Слепые—не видятъ; какъ же они думаютъ сами себѣ возвратить или дать свѣтъ, который потеряли, и который отъ единаго Бога искони, свѣтъ вѣры? — Правила жизни относятся до нашей воли, дѣйствій и всего поведенія или жизни по духу нашей Вѣры. Христіанинъ долженъ жить какъ христіанинъ, или по христіански; иначе чѣмъ же онъ отличится отъ всякихъ не христіанъ? Чѣмъ докажетъ свою преданность своей Вѣрѣ? Чѣмъ онъ заслужитъ или оправдаетъ въ себѣ права, присвоенныя ему христіанствомъ или Самимъ Христомъ?—Лучше было бы вовсе не вступать въ Христіанство, какъ замѣчаетъ А. Петръ (2 Петр. 2, 21), нежели, вступя, жить не по хрис-

тіански: а мы въ христіанство вступили и въ самомъ крещеніи сочетались Христу, и отреклись отъ всякой грѣховной жизни. Благородное ли дѣло измѣнять своему обѣту, и притомъ въ дѣлѣ съ Самимъ Господомъ, тогда какъ насъ безчестить—не сдержать своего слова предъ человѣкомъ, и въ дѣлахъ простыхъ житейскихъ?— *Если мы не вѣрны своему союзу съ Господомъ, говоритъ Апостоль, то Господь пребываетъ въренъ; наше невѣрствіе не упразднитъ вѣрности Божію*; если мы измѣнимъ своему обѣту крещенія, то Онъ не дастъ тѣхъ благъ, кои намъ обѣщаль ради его съ нимъ союза; если мы будемъ жить не по правиламъ Вѣры, хотя бы даже имѣли добродѣтели язычниковъ, то и Онъ не удержитъ своего надъ нами суда и гнѣва, которымъ угрожаетъ не вѣрнымъ вѣрующимъ. *Скорбь и тѣснота на всяку душу творящую злое; кто согрѣшитъ не противъ закона христіанскаго, тотъ и будетъ наказанъ по общему правосудію; а кто согрѣшитъ противъ закона христіанскаго, тотъ будетъ наказанъ по всей строгости сего закона. Христіанамъ, волею согрѣшающимъ ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва, даже Христова; но остается страшное пькое чаяне суда; если отвергавшійся закона Моисеева безъ милосердія бывалъ предаваемъ смерти; koliko мните юршія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, пишетъ Апостоль?—Вѣмы бо рекшаго: мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь (Евр. 10, 26—30).* И такъ сами видите, братіе, что дабы не впасть въ руки Бога живаго (3. 1), дабы жить по духу Вѣры, нами исповѣдуемой, дабы не измѣнить своему обѣту крещенія, необходимы намъ правила жизни, какъ намъ мыслить, какъ или чего желать, и какими отличатся поступками и всѣмъ поведеніемъ, чтобы и Богъ и люди видѣли въ насъ истинныхъ христіанъ, а не какихъ либо язычниковъ, или не вѣрующимъ. Человѣкъ по самому составу своему живетъ двоякою жизнію—внутреннею и чаружною; и двоякими правилами руковод-

ствуешь его Церковь, — по внутренней жизни — Евангельскими, а по наружной — собственно Церковными, поставляя въ основаніи примѣръ земной жизни самаго начальника и совершителя Вѣры І. Христа а концемъ — Судь Божій, какъ по внутренней жизни, такъ и по наружному поведенію. Теперь слово о правилахъ Вѣры для христіанина по наружной жизни, составляющейся изъ словъ, движеній и поступковъ нашихъ. Апостолы положили начало таковымъ правиламъ какъ въ своихъ писаніяхъ, такъ особенно въ такъ называемомъ Церковномъ благочиніи, оставивши до 75 правилъ, такъ называемыхъ Апостольскихъ, касающихся особенно до тогдашнихъ обстоятельствъ Церкви напр. о Церковной Іерархіи, о постѣ, о праздникахъ Церковныхъ, о бракахъ и т. под. — Изчислять всѣ эти правила жизни теперь было бы продолжительно; довольно знать, что они всѣ заключаются въ правилахъ Церковныхъ, которыя всѣ основываются, если не по буквѣ, то по духу на Апостольскихъ, какъ Апостольскія на Христовыхъ, — и всѣ потому для насъ тойже Божественной важности, какой и заповѣди Евангелія. При мысли о такихъ правилахъ сердце невольно содрагается, что многіе изъ насъ не только часто не уважаютъ оныхъ, но не уважаютъ не по невѣденію, а намѣренно, какъ бы онѣ для насъ ничего незначили, — особенно правилъ важнѣйшихъ, напр. касательно браковъ, касательно постовъ, касательно Богослуженій и под. Что это такое? Хвалятъ ли людей измѣняющихъ своимъ обязанностямъ? Ты вступилъ въ христіанство, и обязался жить по заповѣдямъ Евангельскимъ: за чѣмъ же ты вступаешь въ христіанство, если хочешь жить по своей волѣ, т. е. по язычески? Ты родился въ Церкви православной, и обязался жить по правиламъ своей Церкви: зачѣмъ же ты остаешься въ этой Церкви, если не хочешь жить по ея правиламъ? Ты въ Св. Церкви вступилъ въ то или другое званіе, отличающееся или ограничиваемое особыми правилами, напр.

въ духовное или монашеское: за чѣмъ же, вопреки своему обѣту, не живешь по правиламъ своего званія, а лучше не оставляешь онаго?—Но ты связанъ даже гражданскими законами, въ помощь правиламъ Церковнымъ, равно какъ и Евангельскимъ, и не можешь отречься отъ послѣднихъ безнаказанно даже по суду человѣческому; не можешь отречься ни отъ христіанства, ни отъ своей вѣры, ни отъ своей Церкви. Чегожь тебѣ, братъ, намѣренно презирающій и нарушающій правила Церковныя, ожидать предъ судомъ Божиимъ? Пойми слова Апостола, повторяющаго слова самаго Господа: *миѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь.*

Богослужебныя священнодѣйствія касаются собственно сердца, котораго надежду изображаютъ, укрѣпляютъ и исполняютъ. Такія священнодѣйствія начались отъ самаго Христа, а основаніе свое имѣютъ въ самомъ двойкомъ составѣ человѣка, чтобы возвышать внѣшнюю его сторону въ слѣдъ за внутреннею къ Небу, и съ Неба низводитъ чрезъ внутреннюю часть и на внѣшнюю, разнообразную благодать Божию. По вознесеніи Христовомъ и по принятіи св. Духа Апостолы распространили священнодѣйствія и привели въ благообразный чинъ или порядокъ, который въ существѣ своемъ продолжается и донинѣ въ церкви православной; опредѣлили для нихъ и мѣста, назвавши оныя церквами или храмами Божиими; учредили такъ называемый Клиръ подъ наименованіемъ: Епископа, Пресвитера и діакона, отдѣливъ его отъ прочихъ вѣрующихъ, остающихся подъ именемъ мірянъ; установили самыя священнодѣйствія подъ названіемъ Богослуженій общихъ, въ числѣ коихъ отличается Литургія, и особливыхъ Таинствъ, изъ коихъ и въ вѣкъ уже Апостольскомъ извѣстны были крещеніе, муропомазаніе, покаяніе, священство, бракъ и елеосвященіе; назначили часы общественнаго Богослуженія: первый, третій, шестой и девятый, и избранные для нихъ

дни, подъ названіемъ праздниковъ,—напр. Воскресенія, Пасхи, Пятидесятницы; наконецъ начертали чинъ или порядокъ для каждаго священнодѣйствія, или уставъ для священнослужителей въ руководство при совершеніи оныхъ. Все это можно читать въ писаніяхъ какъ самихъ Апостоловъ, такъ и преемниковъ ихъ, съ самаго перваго христіанскаго вѣка до нашихъ дней, и видѣть въ непрерывномъ употребленіи церкви.—Какъ же послѣсего такъ называющіе себя въ нѣдрахъ нашей церкви духовными христіанами, потому что думаютъ и хотятъ, или говорятъ только, что хотятъ жить по духу Евангелія, такъ неосторожно говорятъ, что вся виѣшняя наша церковь со всѣми своими учрежденіями, какъ то: храмами, священно-служителями, священнодѣйствіями, и особенно таинствами, празднествами, и своимъ благочиніемъ, не отъ Бога и не отъ Апостоловъ, а отъ производа духовенства или мірскихъ властей, и потому якобы они духовные не облызываются Богомъ вѣрвать въ церковь, принимать ея постановленія и покоряться ея учрежденіямъ.—Я сказалъ думаютъ и говорятъ не осторожно, надлежало бы сказать преступно и погибельно: потому что происходя отъ Апостоловъ церковь со всѣми своими виѣшними учрежденіями происходитъ чрезъ нихъ отъ самаго Христа, который самъ основалъ свою церковь какъ въ самомъ ея духъ, такъ и вовсей ея виѣшности, изображающей ея духъ, такъ и возводящей къ нему вѣрующихъ; слѣд. грѣхъ противъ церкви, до послѣдняго ея виѣшняго учрежденія, есть грѣхъ противъ самаго І. Христа?—Развѣ они, притворяясь вѣрующими, на самомъ дѣлѣ не вѣрують во Христа, какъ Сына Божія и Бога, какъ нашего царя и искупителя, какъ Отца нашего и Судю, которому Богъ Отецъ предалъ и всю власть и весь судъ надъ нами?—Въ такомъ случаѣ нѣчего съ ними терять словъ, а остается только жалѣть и молиться о нихъ Господу, чтобы Онъ самъ возвратилъ ихъ въ нѣдра пра-

вославної церкви.

Но и мы, православные, столько ли же уважительны къ Богослужбнымъ священнодѣйствіямъ въ душѣ и на дѣлѣ, сколько на словахъ и по виѣшности? Для насъ есть дѣла человѣческія, и есть дѣла Божественныя; а священнодѣйствія церковныя суть по преимуществу дѣла Господни, ибо отъ самаго Бога и главнымъ предметомъ своимъ имѣютъ Бога же.

Но по закону Божественному, *проклятъ всякъ человекъ, творящій дѣло Господне съ небреженіемъ*. И такъ не съ небреженіемъ ли и мы приступаемъ къ тому или другому священнодѣйствію, или совершаемъ оное, или участвуемъ въ немъ, своимъ присутствіемъ! Осмотрись внимательнѣе и священнослужитель и мірянинъ; ибо это дѣло Господне, чтобы не подпасть тебѣ суду Божию и тѣмъ болѣе, что въ судахъ Господнихъ и меньшей есть не яко судъ человѣческій, и праведные на нихъ едва спасаются, гдѣже явятся грѣшныя? Прежде всего, приходимъ ли въ церковь или приступаемъ ли къ тому или другому священнодѣйствію всею душею, какъ и тѣломъ? Стоимъ ли въ храмѣ или домѣ или на полѣ при священнодѣйствіи, какъ въ присутствіи самаго Бога, которому оно собственно совершается? Внимаемъ ли, какъ должно, при священнодѣйствіи чтенію, пѣнію, или, если бываютъ, и поученіямъ Пастырей? Вѣруемъ ли въ духъ и силу всего сего, и особенно въ самую благодать, испрашиваемую у Бога чрезъ то или другое священнодѣйствіе? Обращаемъ ли наконецъ все это въ правила своей жизни; ибо въ церкви все наружное учреждено и совершается для внутренняго, *къ совершенію святыхъ въ созидаіе тѣла Христова, дождеже достигнемъ вси въ соединеніе въры и познанія сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Евр. 4, 11—13)? Если это не такъ, то нѣчему радоваться, хотя мы и называемся православными. Но, неговоря больше, повторяю совѣтъ

каждому и мірянину и священно-служителю, осмотрѣться повнимательнѣе по такому важному дѣлу.

Возвратимся къ предмету, подавшему намъ поводъ къ настоящему слову. Горько было Апостоламъ разлучаться со Христомъ, когда Онъ возносился отъ нихъ на небо; и хотя самъ Господь уже растворилъ сію горестъ обѣтованіемъ имъ Святаго Духа; однакоже сего не довольно было для любящаго ихъ сердца. Нуженъ былъ гласъ отъ самаго неба, и тогда, какъ взоръ ихъ немогъ еще оторваться отъ возносящагося отъ нихъ Господа, и хотѣлъ какъ бы проникнуть за Нимъ въ самое небо, *се мужа два стага предъ ними въ одеждѣ бѣлы, иже и рекоста: мужіе Галлилейстїи, что стоите, зряще на небо,? Сей Исусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ имъ же образомъ видѣсть Его идуща на небо* (Дѣян. 1, 10—11). Надежда будущаго свиданія должна была облегчить чувство ихъ разлуки. Не таковы конечно были чувствованія враговъ Христовыхъ, которыхъ обличала собственная ихъ совѣсть въ ихъ противъ него несправедливостяхъ, и которымъ тяжелъ былъ одинъ взглядъ Его на нихъ, одно Его присутствіе съ ними на земли, и которымъ слѣд. болѣе или менѣе было отрадно вознесеніе Его отъ нихъ на небо. Къ какой же сторонѣ принадлежимъ теперь мы, возлюбленные слушатели? Къ сторонѣ ли первыхъ, или послѣднихъ? Пока вы отыщете отвѣтъ на сіе не въ имени своемъ, а въ вашей совѣсти, я заключу: кто изъ насъ вѣрующіе, да возрадуются о вознесеніи Господа на небо, гдѣ онъ войдетъ въ славу свою, чтобы и насъ призвать и взять тудаже, равно и о второмъ Его пришествїи на землю, которое будетъ подобно вознесенію, чтобы избавить насъ отъ земныхъ злключеній и воздать за нихъ небеснымъ утѣшеніемъ; но кто—не вѣрующіе, для тѣхъ нѣтъ радости ни о вознесеніи Господа, ибо заглазное отсутствіе Его можетъ подать инымъ поводъ и свободу предаваться грѣхамъ безъ всякаго страха, ни о второмъ Его пришествїи, ибо оно принесетъ имъ одинъ страшный судъ Христовъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЕДѢЛО ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ.

Никтоже можетъ рещи Господа Иисуса, точию Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3).

„Какъ же“, спрашиваетъ св. Златоустъ, и демонъ называлъ Иисуса Богомъ? Не говорилъ ли Иисусу человекъ *въ оубъ нечистъ*, или нечистымъ духомъ одержимый: *вмъ Тя, кто еси, Святый Божій* (Марк. 1, 24)? Не говорила ли и о Павлѣ (Апостолѣ, съ его сотрудиниками) нѣкая отроковица, *духъ пытливъ* имѣвшая, что они *раби Бога вышняго суть*, (Дѣян. 16, 16. 17)?—а они сами себя называли *рабами Христовыми* (Фил. 1, 1). „Говорили“, отвѣтствуетъ самъ же Златоустъ, но говорили „по принужденію, а не по волѣ“, (Бес. XXIX на 1 Кор. гл. 12). Такъ точно и у Евангелиста Матѳея два бѣснуемыхъ человекъ вопили къ Иисусу Христу: *что намъ и Тебѣ, Иисусе Сыне Божій, пришелъ еси съмо прежде време не муčiti насъ* (Матѳ. 8, 29), и, конечно, вопили пснуждаясь не доброю волею, но лютой мукою. Такъ точно и Апостолъ Іаковъ говоритъ, что и *бсы вруютъ, яко Богъ единъ есть, и трепещутъ* (Іак. 2, 19); если бы вѣробали по расположенію воли, то не трепетали бы. Такъ точно, прибавимъ, и многіе изъ называющихся христіанами, словами исповѣдуютъ Иисуса Христа Богомъ, но *дѣлами отмещутся Ею*, не слѣдуя Евангельскимъ Ею правиламъ: ужели въ такихъ исповѣдникахъ Христовыхъ обитаетъ Духъ Божій, и Духомъ Божиимъ они исповѣдуютъ Иисуса Господомъ?—Что же говоритъ намъ изреченіе Апостола, что *никтоже речетъ Господа Иисуса, точию Духомъ Святымъ*?

Очевидно уже, что оно идетъ глубже и далѣе однихъ словъ нашихъ о Христѣ Иисусѣ; оно проходитъ до самой

души и касается самага сердца, отъ *избытка* котораго *излезають уста*, или отъ котораго происходятъ слова наши, и бывають только тогда живы и истинны, когда, происходя отъ сердца, бывають согласны съ его чувствованіями, когда само сердце движеть уста и говоритъ ихъ словами. И такъ, речи *Господа Иисуса* значить не словами только исповѣдать Иисуса Господомъ, но въ душѣ имѣть и во всей жизни выражать пламенную любовь къ Нему, какъ Господу, мыслить по Его ученію, дѣйствовать по Его заповѣдямъ, питать свое сердце Его обѣтованіями, однимъ словомъ, проводить жизнь истинно христіанскую;—и сего-то, по Апостолу, *никто не можетъ, точию Духомъ Святымъ*, или, не иначе можетъ, какъ по дѣйствию Духа Божія.

Такимъ образомъ *жизнь истинно христіанская есть плодъ собственно Святаго Духа*. Углубимся нѣсколько въ сію истину, въ сообразность съ настоящимъ празднествомъ и во славу Святаго Духа.

Извѣстно, что тьма сама себя не просвѣщаетъ, что слабость сама себя не укрѣпляетъ, что холодъ самъ себя не согрѣваетъ, или общѣе, что смерть не даетъ себѣ жизни: такъ и человекъ, оставленный самому себѣ, безъ Духа Божія, не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ. Ибо въ душѣ его, когда нѣтъ въ ней Духа Божія, есть и свой мракъ—это слѣпота ума для разумѣнія истинъ вѣры; есть и свое безсиліе—это немощь воли въ исполненіи Евангельскаго закона; есть и свой холодъ—это безчувствіе сердца къ благамъ духовнымъ и небеснымъ; и вообще есть своя смерть—это нѣкая неспособность его къ жизни христіанской.

Не говоримъ, чтобы умъ нашъ, безъ Духа Божія, вовсе не имѣлъ своего свѣта; напротивъ, уступаемъ ему всю честь той пронизательности, съ какою онъ прозрѣлъ въ тайны природы, прошелъ глубину и широту земли, измѣрилъ и исчислилъ звѣздное небо: но сей зрячій умъ, безъ

Духа Божія, сущій слѣпецъ для жизни христіанской; нѣкая природенная слѣпота, усугубляемая со дня на день, чтобы не сказать, съ часу на часъ, густыми парами страстей и мглою предразсудковъ, не даетъ ему ничего въ семь дѣлъ видѣть. *Душевный*, т. е. Духа Божія не имѣющій, *человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти* (1 Кор. 2, 14). Такова слѣпота его для предметовъ духовныхъ! *Вы никогда были тьма*, говорилъ Апостоль Ефесеямъ, напоминая прежнее ихъ состояніе, доколѣ Духъ Божій не возродилъ ихъ въ жизнь христіанскую, и не содѣлалъ чадами свѣта (Ефес. 5, 8).

Не отрицаемъ, что воля человѣка и безъ Духа Божія имѣетъ свою силу и свободу; напротивъ говоримъ, что она даже слишкомъ или сверхъ мѣры свободна; ибо не только дѣлаетъ все, что хочетъ, но и то, чего бы не слѣдовало хотѣть, что само въ себѣ позорно, что законъ Божій воспрещаетъ, что человѣка губить на всю жизнь и на всю вѣчность: однакожь сія всесвободная воля, безъ Духа Божія, такъ для жизни христіанской несвободна и безсилна, что ничего добраго не можетъ дѣлать по своему произволенію; она даже дѣлаетъ зло, котораго иногда не хочетъ, и не дѣлаетъ добра, котораго иногда желаетъ; подъ часъ увлекается закономъ Божиимъ, но всегда плѣняется закономъ грѣховнымъ (Римл. 7, 19. 23). Таково ея безсиліе для добра! Такъва ея неволя подъ грѣхомъ! *Вы были рабы грѣха*, говорилъ Апостоль Римлянамъ, напоминая прежнее ихъ состояніе, пока они Духомъ Божиимъ не были еще введены въ свободу *чадъ Божиихъ* (Римл. 6, 17. 8, 21.—2 Кор. 3, 17.—Гал. 5, 1).

Не споримъ также, что чувство человѣка и безъ Духа Божія не вовсе мертво для того, что называютъ приятнымъ и прекраснымъ; напротивъ сознаемъ, что у насъ оно и *очень живо*, ибо сгараетъ отъ жажды наслажденій, и *очень утонченно*, ибо отвергаетъ наслажденія грубыя и

жаждетъ тонкихъ, вышнихъ, благородныхъ, или, какъ говорятъ, изящныхъ; пламенная любовь къ изящному есть уже жизнь чувства: но безъ Духа Божія сіе чувство не возносится далѣ звѣзднаго неба; или лучше, оно все привитаеь на землѣ, живетъ въ способностяхъ и органахъ чувственныхъ—вкусъ, слухъ и зрѣніи, обоняніи, осязаніи и воображеніи, и водится однимъ *мудрованіемъ плотскимъ*, которое, по Апостолу, *есть смерть* для человѣка и *вражда на Бога* (Рим. 8, 6, 7). *Не любите міра, ни яже въ мірѣ*, говоритъ Іоаннъ Богословъ. *Яко все, еже въ мірѣ*, какъ то: *похоть плоти*—это изысканныя роскошью наслажденія для многострастнаго тѣла, *похоть очесъ*—это плѣнительныя зрѣлища для *несытаго ока*, и *гордость житейская*—это блескъ и пышность мірской жизни, которыми прельщаются прочія чувства,—все сіе *исть отъ Отца*, т. е. отъ Бога, *но отъ міра*. Вотъ судъ Евангелія о всемъ томъ, что въ мірѣ насыщаетъ и услаждаетъ наши чувства, а чрезъ нихъ и самое сердце, какъ бы ни были и самыя чувства и земныя ихъ наслажденія утонченны и возвышенны! Но вотъ судъ того же Евангелія и о самомъ сердцѣ, привязанномъ къ прелестямъ міра: *Аще кто любитъ міръ, исть любовь Отци въ немъ* (2. Іоан. 2, 15. 16), говоритъ Духъ Божій устами Апостола.

Однимъ словомъ, человѣкъ безъ Духа Божія, по Священному Писанію, мертвъ для Бога, хотя для всего прочаго, кромѣ Бога, кажется, очень живъ. Какъ же такой человѣкъ можетъ быть истиннымъ христіаниномъ? Оживить ли онъ самъ себя для жизни христіанской? Согрѣетъ ли самъ свое сердце любовью къ Іисусу Христу? Укрѣпитъ ли самъ свою волю къ исполненію закона Божія? Просвѣтитъ ли самъ свою слѣпоту для уразумѣнія истинъ вѣры? Нѣтъ, цѣлыя тысящелѣтія пытался человѣкъ помочь самъ себѣ въ дѣлѣ благочестія, и заключилъ бесплодный трудъ свой однажды навсегда, прекраснымъ, впрочемъ, словомъ: „никто не нау-

читъ людей благочестію, развѣ самъ Богъ придетъ на землю вождемъ и наставникомъ⁴. (Платонъ въ Епименидѣ). Тѣмъ менѣе кто можетъ сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, развѣ исполнится Духа Божія, или говоря словами Апостола: *никтоже можетъ рещи Господа Исуса, точію Духомъ Святымъ*.

Однажды Исусъ Христосъ объяснялъ: какъ неудобно пристрастнымъ къ богатству войти въ царствіе Божіе. Слушавшіе спросили: кто же можетъ спасень быти? Спаситель отвѣчалъ: Невозможное отъ человѣкъ, возможно отъ Бога (Лук. 18, 27). Такъ въ частности, такъ и вообще: одинъ Духъ Божій спасаетъ грѣшника и дѣлаетъ его истиннымъ христіаниномъ. Отверземъ, Слуш., сердца наши Духу Божію, т. е. дадимъ Ему безпрепятственно производить въ душахъ нашихъ благодатныя свои дѣйствія:—и мы преобразимся, перетворимся, возродимся *новою тварію* (2. Кор. 5, 17): вмѣсто тмы въ насъ возсіяетъ свѣтъ, вмѣсто немощи возникнетъ крѣпость, вмѣсто хлада возгорится пламенная ревность по Христѣ, и вмѣсто прежней грѣховной жизни засвѣтитъ добрыми дѣлами (Мат. 5, 16), какъ звѣздами, жизнь истинно христіанская.

Духъ Святой, говоритъ самъ Исусъ Христосъ, есть *Духъ истины, наставляющій на всякую истину* (Іоан. 16, 13). Посему, какъ только входитъ Онъ въ душу человѣка, она просвѣщается свѣгомъ Богопознанія, и уразумѣваетъ,—въ чемъ, какъ говоритъ Апостоль, состоитъ надежда Христіанства, какъ богато славное наслѣдіе, уготованное Святымъ и какъ превосходно и велико могущество Христово въ вѣрующихъ (Ефес. 1, 17—19). *И вы помазаніе имате отъ Святаго*, говоритъ Іоаннъ Богословъ о семъ просвѣтительномъ дѣйствіи Духа Божія, *и вѣсте вся. И вы еже помазаніе пріясте отъ Него, въ васъ пребываетъ, и не требуете, да кто учитъ вы: яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ, и истинно есть, и нѣсть ложно* (1 Іоан. 2, 20. 27). И человѣкъ, прежде бывшій тмою, дѣлается свѣтомъ о Господь (Ефес. 5, 8).

Аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете (Іоан. 8, 36), говоритъ Иисусъ Христосъ, и Сынъ освобождаетъ дѣйствиємъ Духа Святаго. *Идъже Духъ Господень, ту и свобода*, учить Апостолъ Павелъ (2. Кор. 3, 17); *и законъ духа жизни освобождаетъ чловѣка отъ закона*, т. е. отъ рабства, *грѣховнаго и смерти* (Рим. 8, 2). Посему, какъ только Духъ Божій входитъ въ нашу душу, она преисполняется сыновнею любовію къ Богу (Рим. 5, 5), которою и укрѣпляется для исполненія закона Божія, и освобождается отъ грѣховнаго рабства (Рим. 8, 2—4), и какъ земля, напоенная небеснымъ дождемъ и согрѣтая теплотою солнечною раждаетъ отъ сѣменъ, въ нѣдро ея брошенныхъ, обильные плоды своему дѣлателью (Евр. 6, 7), такъ и она отъ Духа усыновленія, какъ небеснаго сѣмени, приноситъ Господу всякіе плоды духовные: *любовь*—къ Богу и ближнимъ, *радость*—о счастіи и благополучіи другихъ, *миръ*—со всѣми, даже со врагами, *долготерпѣніе*—противъ всякихъ обидъ и оскорбленій, *благодѣтельность*—внимательную и привѣтливую къ самымъ низшимъ изъ братій, *милосердіе* (агафосини)—всегда готовое дѣлать всѣмъ добро и никому—зла, *вѣрность*—строго соблюдающую и свои обязанности и свои слова, *кротость*—человѣколюбную къ самымъ слабымъ и заблуждающимся, *воздержаніе* не только отъ всего воспрещеннаго, но даже во всемъ позволенномъ, паче же отъ страстей и сквернъ плоти и духа (Гал. 5, 22. 23), или, другими словами, долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не видитъ во всемъ зла, не радуется о худомъ и радуется о добромъ, все покрываетъ, всему довѣряетъ, всего надѣется, всего добраго ожидаетъ (1. Кор. 13, 5—7); однимъ словомъ, *плодоноситъ всякія добродѣтели, ибо исполненіе закона любви есть* (Рим. 13, 10).

Духъ Святой, наконецъ, есть Духъ животворящій и возраждающій (Іоан. 3, 5. 63), утѣшающій и радующій

(Иоан. 14, 26. Дѣян. 9, 31.—Рим. 14, 17), есть упованіе и залогъ жизни будущей и царствія небеснаго (Рим. 15, 13.—2. Кор. 5, 5). Посему, какъ только Онъ входитъ въ нашу душу, она проникается чувствомъ жизни неземной, небесной, истинно христіанской, коей *житіе на небесѣхъ* (Фил. 3, 20), и непонятною для самой себя силою устремляется отъ *видимаго къ невидимому, отъ временнаго къ вѣчному* (2. Кор. 4, 18), *отъ земнаго къ горнему* (Кол. 3, 1—3). И тогда для нея всѣ блага настоящія—*щета и уметы* (Фил. 3, 7. 8): земное богатство—снѣдь моли и страстей; чувствєнныя удовольствія—отрава для тѣла, а паче для души; мірская слава—гордость житейская, паче всего противная Богу. Тагда для нея единое и единственное сокровище—Иисусъ Христосъ, Котораго одно *имя* для нея есть *мвро изліянное, благоухающее паче всѣхъ ароматъ* (Пѣсн. 1, 2), Котораго одинъ *гласъ* для нея есть *сладость и желаніе* (Пѣсн. 5, 16), о Которомъ одномъ она помышляетъ и тогда, когда *спитъ* тѣломъ (Пѣсн. 5, 2), кромѣ Котораго одного она и не знаетъ, и не любитъ, и не ищетъ ничего не только на землѣ, но и на небѣ. *Что ми есть на небеси*, говорятъ она въ умилєніи или въ восторгѣ любви своей къ Богу, *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе по Тебѣ сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Псал. 72, 25. 26)! Въ такомъ-то настроєніи духа своего взывалъ Царь-Пророкъ Давидъ: *какъ елень жєлаєтъ на источники водные: такъ душа моя жєлаєтъ къ Тебѣ, Боже! Возжада душа мая къ Богу крѣпкому и живому: когда прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. 41, 2. 3)!

Вотъ человѣкъ, получившій Духа Святаго и давшій Ему полную свободу дѣйствовать въ душѣ своей! Можетъ ли быть, чтобы такой человѣкъ не имѣлъ жизни христіанской, не былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ Иисусу Христу? Уже видно, что онъ весь—Христовъ, ибо преисполненъ Его Духа; такъ какъ, напротивъ, *кто не имєетъ Ду-*

ха Его, тотъ и плоть Егова. Аще же Христосъ, въ немъ, говоритъ Апостоль Павелъ, плоть убо мертва грѣха ради; духъ же живетъ правды ради, живетъ—для жизни христіанской (Римл. 8, 9. 10).

Таково различіе двухъ человѣкъ,—одного, который имѣеть, и другаго, который не имѣеть въ себѣ Духа Божія. *Перваго* вѣра во Христа живетъ въ самомъ основаніи души, въ сердцѣ, въ совѣсти (Псал. 36, 31); *другаго*—скользить только на поверхности мысли. *Тотъ* выражаетъ вѣру свою всею жизнію; *сей*—только словами, иногда прекрасными, но всегда бездушными. *Тотъ* ученіе Евангельское признаетъ Божественнымъ, и готовъ положить за него свою душу; *сей* не разумѣетъ Божественной важности сего ученія, и готовъ оставить его при первой угрозѣ или лести прельстителя. *Тотъ* въ заповѣдяхъ Евангельскихъ слышитъ глаголь самаго Бога, которому не повиноваться почитаетъ для себя существенно невозможнымъ; для сего тѣже заповѣди—предметъ одного знанія, а не исполненія, которое для него и невозможно при видѣ какой нибудь страсти. *Тотъ* всѣ обѣтованія и угрозы Евангельскія признаетъ непреложными, какъ самъ Богъ; *сей* вѣритъ имъ не болѣе, какъ какому нибудь вымыслу, изобрѣтенному для страха или обмана слабыхъ душъ. *Тотъ* почитаетъ себя пресельникомъ и странникомъ на землѣ (Пс. 38, 13); не любитъ міра, ни того, что въ мірѣ (Фил. 3, 7. 8), и всегда взыскуетъ отечества небеснаго и вѣчнаго (Евр. 11, 14); *сей* землю почитаетъ своею отчизною, всѣми путями, средствами и способами добывается мірскихъ почестей, умножаетъ свои богатства, разнообразить свои удовольствія; а о жизни за гробомъ онъ или не помнитъ, или въ нее не вѣритъ; еслижъ мысль о ней западаетъ иногда въ его душу, то, какъ полудостовѣрная мечта, которая сбудется или не сбудется,—онъ не знаетъ, и знать не хочетъ. Кратко сказать, *тотъ* живетъ весь для Бога, *сей*—для се-

бя; и это отъ того, что *тотъ* имѣеть въ себѣ Духа Святаго; а *сей* не имѣеть. *Никтоже можетъ рещи Господа Исуса, точію Духомъ Святымъ.*

Къ какой же сторонѣ принадлежимъ мы съ тобою, Слуш.? На кого мы болѣе походимъ, на перваго или на втораго? Или лучше, имѣемъ ли мы въ себѣ Духа Святаго?—спрашиваемъ потому, что не ожидаемъ здѣсь того же, что нѣкогда случилось въ Ефесѣ; тамъ вѣрующіе, бывъ спрошены Апостоломъ Павломъ: приняли ль они Духа Святаго?—„мы“, говорили; „и не слыхали, что Духъ Святой есть,“ (Дѣян. 19, 1. 2); а мы знаемъ, что Духъ Святой есть и подается всякому вѣрующему; и такъ имѣемъ ли мы Духа Божія въ себѣ? Дарованъ ли Онъ намъ, какъ Апостоламъ и первымъ христіанамъ? Приняли ль, получили ль мы Его?—Какъ же не получили? Чтожъ преподано намъ, не говоря уже о прочихъ таинствахъ, въ таинствѣ Мвропомазанія, котораго мы удостоены при самомъ крещеніи, какъ не Духъ Святой? Что значать и слова: *печатъ дара Духа Святаго*, которыя повторялъ Священнослужитель при помазаніи частей нашего тѣла, какъ не то, что мы въ семь таинствѣ помазались и запечатлѣлись Духомъ Святымъ? Спросите, гдѣ же въ насъ пророчества и чудеса, —сіи признаки присутствія Св. Духа?—Но чудеса и пророчества нужны были, съ одной стороны, Пророкамъ, Апостоламъ, и Учителямъ Церкви, чтобы успѣшнѣе обращать, а съ другой—язычникамъ, особенно же Иудеямъ, всегда любившимъ знаменія (Лук. 11, 29), чтобы удобнѣе обращаться, въ вѣру Христову. Но мы—не язычники, не Иудеи, а Христіане: но и въ христіанахъ—*ужели всѣ Апостолы? ужели всѣ Пророки? ужели всѣ Учители?*—спрашиваетъ Апостоль Павелъ. Конечно не всѣ; и вотъ какое онъ же всѣмъ вообще христіанамъ даетъ наставленіе: *ревнуйте дарованій большихъ* (1 Кор. 12, 29). Что же это большее? Христіанская любовь. *Аще имамъ пророчество*, гово-

рить онъ, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы представляти, любви же не имамъ, ничтоже есмь (1 Кор. 13, 2). То есть, христіанская любовь къ Богу и ближнимъ есть самое главное, и самое общее для всѣхъ христіанъ, дарованіе Духа Святаго. Сего-то признака,—любви, а съ нею—исполненія всего закона Евангельскаго, и всякихъ добродѣтелей, или вѣры, любовію споспѣшествуемой (Гал. 5, 6) и дѣлами оправдываемой (Іак. 2, 18),—и должно намъ искать въ себѣ, чтобы узнать, имѣемъ ли мы въ себѣ Духа Божія? Но вотъ и другой вопросъ, который едва ли не служить отвѣтомъ на первый: что значить, что мы повседневно молимся Духу Святому, и повседневно чувствуемъ нужду молиться Ему, дабы Онъ „пришелъ и вселился въ насъ, очистилъ насъ отъ всякія скверны и спасъ души наша“? Что это значить? Просятъ того, чего не имѣютъ: какъ же мы—и получили, и просимъ Св. Духа? Получили, но, видно, не имѣемъ, потому и просимъ. Теперь легко понять, почему Апостоль увѣщевалъ христіанъ: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19, *не оскорбляйте Духа Святаго Божія* (Еф. 4, 30), *но паче исполняйтесь Духомъ* (Еф. 5, 18). Это значить: что, поелику Духъ Божій въ христіанствѣ изливается *на всяку плоть* (Дѣян. 2, 16—21. Іоан. 7, 37—39), или, на всякаго человѣка; то отъ насъ уже зависитъ и не имѣвши принять, и принявши сохранить, и сохранивши, какое нибудь время, лишиться Святаго Духа.

Помолимся же, Слуш., нынѣ Духу Святому всѣмъ сердцемъ, дабы Онъ пришелъ и вселился въ насъ снова, если мы Его не сохранили; а сами будемъ пещися, прежде и паче всего, о томъ, чтобы Онъ, отъ сего дне до послѣдней минуты нашей жизни, пребывалъ въ насъ и съ нами неотлучно; ибо какъ бы мы сами собою ни были премудры, добродѣтельны и образованны, *но никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, тою Духомъ Святымъ*. Амънь.

С Л О В О

**на праздникъ казанской иконы Божіей
Матери. 22-го октября 1848 года.**

*Се отъ нынѣ ублажатъ мя вси роди.
(Лук. 1, 48.)*

Какъ точно, какъ полно; и какъ ясно исполняется сіе пророчественное о своей всемірной славѣ слово смиренной Дѣвы послужившей нашему спасенію сверхъестественнымъ рожденіемъ Спасителя! И ублажаютъ Тебя, Пресвятая Богородице, и будутъ ублажать вси роди, всѣ христіане; ибо Ты—*Божіе къ смертнымъ благоволеніе и смертнымъ къ Богу дерзновеніе*,—чудная посредница, чрезъ которую, при всемъ нашемъ *окаянствѣ* и *недостойнствѣ*, и Богъ ниспосылаетъ намъ всякія Свой благословенія, и мы дерзаемъ возсылать къ Богу всякія свои моленія.—

Не говоримъ древняго, что когда человекъ чрезъ грѣхъ уклонился отъ Бога, тогда и Богъ по правдѣ своей уклонился отъ человека, и человекъ оставалось бы погибать,—ибо для него въ одномъ Богѣ источникъ жизни,—если бы Богъ и въ своей правдѣ не былъ столько многомилостивъ и человеколюбивъ, что по своей благодати больше миловалъ виновнаго, чѣмъ каралъ и поражалъ его по Своему правосудію. Скажемъ о новомъ. Тщетно истощивши всѣ обыкновенныя средства къ спасенію грѣшнаго рода человеческого, Богъ наконецъ послалъ на землю Единороднаго Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, дабы Онъ искупилъ насъ отъ грѣховъ Своею кровію, примирилъ насъ съ Богомъ правды своею правдою и, какъ вѣчная любовь, былъ для насъ источникомъ всякой небесной милости. Что Богъ есть любовь, это для грѣшнаго отрадное понятіе или мысль о Богѣ такъ олицетворена и осуществлена въ

Иисусъ Христъ, что мы эту любовь въ лицѣ Его видимъ, осязаемъ, вкушаемъ, чувствуемъ больше дѣйствительности; и больше сего, кажется, самъ Богъ не можетъ уже ничего сдѣлать для грѣшниковъ. Чѣмъ же мы на такую безпредѣльную любовь Божию отвѣчаемъ? Посмотримъ.

I. Христосъ приходитъ на землю и преподаетъ намъ самыя истинныя понятія о Богѣ, дабы мы до тойно чтили Бога; ибо безъ истинныхъ о Богѣ понятій нельзя достойно и чтить Его; люди безъ такихъ понятій не только почтили бы тварей за Бога, примѣчая въ нихъ слѣды Божіей силы, но и самаго Бога почтили бы не лучше, какъ тварей, ибо останавливались бы на однихъ собственныхъ и чувственныхъ о Богѣ понятіяхъ; и преподаетъ Христосъ понятія о Богѣ самыя вѣрныя, ибо самъ почерпнулъ ихъ въ лонѣ или существѣ Божіемъ, или лучше, во Христѣ самъ Богъ говоритъ намъ о Себѣ. Что же мы, уважаемъ ли, любимъ ли, читаемъ ли Св. Евангеліе, въ которомъ заключено все Христово ученіе о Богѣ? Принимаемъ ли всею вѣрою, что Евангельскія понятія о Богѣ суть истины, Самимъ Богомъ намъ о Себѣ сообщенныя, и что безъ нихъ вовсе нельзя, и по нимъ только можно намъ достойно чтить Бога?—Или напротивъ не уважаемъ и не знаемъ Евангелія болѣе всего, какъ бы это была одна книга, меньше всего заслуживающая нашего вниманія? А если когда читаемъ или слышимъ Евангеліе, то не пересуждаемъ ли Его ученій, какъ бы онѣ были ниже нашего ума, не подходили подъ наши понятія, предметомъ своимъ вовсе насъ не касались, и вовсе не нужны для того, чтобы по нимъ чтить Бога, ибо на то у насъ есть свой разумъ?—Огвѣтъ оставляю на совѣсти каждаго; но, если мы не уважаемъ и не любимъ Евангелія; то прошу представить, въ какое положеніе мы поставляемъ себя къ Иисусу Христу, и чего намъ ожидать должно? Думаете ли, что истины Божіи, Христомъ намъ возвѣщенные,

могутъ быть пренебрежны безнаказанно?—Нѣтъ, *нелъстите-ся*, говоритъ Апостоль, *Богъ поругаемъ небываетъ* (Гал, 6, 7).

Иисусъ Христось приходитъ на землю и учитъ насъ Божиимъ заповѣдямъ, то изъясняя еще прежде намъ преподаанныя чрезъ Моусея въ десятословіи, то предлагая высшія и совершеннѣйшія, дабы правда христіанъ была чище, выше и богоугоднѣе правды книжниковъ и фарисеевъ, иначе и тѣ не внидутъ въ царствіе небесное (Мат. 5, 20), какъ и сіи послѣдніе,—и не только учитъ, но и оправдываетъ Свое ученіе примѣромъ Своей святой жизни, чтобы никто не сказалъ, что Онъ даетъ такія заповѣди, которыхъ Самъ не исполняетъ, ибо невозможно ихъ исполнять, но чтобы всякъ видѣлъ, что Его заповѣди не тяжелы, а легки и благи (Мат. 11, 30. Іоан. 5, 3) и для слабой природы человѣческой, какую Онъ Самъ имѣлъ. Чѣмъ же мы отвѣчаемъ и на заповѣди Христовы? Исполняемъ ли ихъ, какъ христіане, въ чемъ мы дали обѣтъ въ самомъ крещеніи, а слѣдст. и должны исполнять, благородно исполняя свое слово? Имѣемъ ли покрайней мѣрѣ твердую мысль жить непременно по заповѣдямъ Христовымъ, иначе подвергнемся смерти временной и вѣчной? Покрайней мѣрѣ изучилили мы и знаемъ ли эти заповѣди, и убѣждены ли, что благоугождать Богу иначе нельзя, какъ по симъ только заповѣдямъ, ибо Ему можно угодить не иначе, какъ только такъ, какъ Самъ Онъ благоизволяетъ и отъ насъ требуетъ? Или, напротивъ, вовсе не слѣдуемъ заповѣдямъ Христовымъ, какъ бы никогда не обязывались по нимъ жить, какъ бы вовсе нельзя ихъ исполнить, какъ бы намъ вовсе и нѣтъ нужды въ нихъ и онѣ для насъ вовсе не имѣютъ никакого значенія, а довольно, на настоящую жизнь, изучить правила жизни мірской и по нимъ однимъ жить, живя по плоти, удовлетворяя страстямъ; чтожъ касается до жизни за гробной, то — что тамъ будетъ,

одному Богу извѣстно?—Отвѣтъ опять остается на совѣсти каждаго; но и опять спрашиваю, въ какое положеніе поставляемъ мы себя противъ Христа, если не уважаемъ и знать не хотимъ Его заповедей! Ужели Богъ законодатель не постоитъ за Свой законъ, и не исполнитъ угрозы надъ преступниками онаго, равно какъ и Своихъ обѣщаній — усерднымъ исполнителямъ воли Его? Нѣтъ, братіе, *нелѣстится: Богъ поругаемъ не бываетъ.*

Наконецъ Иисусъ Христосъ, не только преподалъ намъ ученіе о Богѣ и заповѣди Божіи, не только умеръ за насъ на крестѣ, примирилъ насъ съ Богомъ, умолилъ Его быть для насъ Отцемъ самымъ, какъ только можно, или даже невозможно вообразить, чадолюбивымъ, и тѣмъ совершилъ наше спасеніе, но чтобы спасеніе сдѣлать и для насъ возможнымъ и удобнымъ, Онъ, оставивши землю и вознесшись на небо, не оставилъ насъ сиротами, а послалъ на всяку плоть, т. е. всѣмъ намъ, иного Утѣшителя и Спасителя, Духа Святаго, дабы Онъ совершалъ въ насъ спасеніе самымъ дѣломъ, а Самъ Христосъ, сидя одесную Бога Отца выну о насъ предъ Нимъ ходатайствуетъ, умоляя Его Своими заслугами, такъ что мы имѣемъ теперь двухъ ходатаевъ—одного на землѣ, Духа Святаго, другаго на небѣ Самаго Иисуса Христа, ходатаевъ—равно все-сильныхъ, равно челоуѣколюбивыхъ и равно близкихъ къ Богу Отцу, ходатаевъ, которые несравненно съ большею любовію пекутся о нашемъ спасеніи, чѣмъ заботливая *доилица прѣтъ своя чада* (1. Солун. 2, 7). Чѣмъ же мы отвѣчаемъ на такое строительство нашего спасенія? Предаемъ ли дѣло нашего спасенія силѣ и руководству Иисуса Христа и Духа Святаго? Исполняемъ ли тѣ условія, которыхъ Самъ Христосъ отъ насъ требуетъ для спасенія, и безъ которыхъ спасеніе наше невозможно, на прим. отвергаемъ ли себя, презираемъ ли земныя сокровища, отвращаемъ ли чувственныхъ увеселеній, любимъ ли враговъ, благо-

творимъ ли всякому меньшему нашему брату я под.? Пользуемся ли тѣми средствами къ спасенію, которыя учредилъ Духъ Святый и чрезъ которыя Онъ проливаетъ намъ разнообразную спасительную благодать Свою,—каковыя средства суть Богослуженія общественныя и домашнія, Божественныя таинства, всѣ церковныя обряды и уставы? Покрайней мѣрѣ принимаемъ ли всѣ такія условія и средства съ полною вѣрою, что они сколько для христіанина спасительны, столь же и необходимы? Если мы и здѣсь не можемъ быть правы; то что же мы для Христа и Христосъ для насъ? Не въ крайности ли Христосъ сказать о насъ, что нѣкогда сказалъ Богъ у Пророка о вѣроломномъ народѣ Іудейскомъ: *слыши небо и внуши земле! сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася Мене. Позна волю стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего, Израиль же Мене не позна, и люди Мои не разумѣша. Увы языкъ грѣшный* (Ис. 1, 2—4)? Пренебрегая строительство нашего спасенія, не должно ли бояться, чтобы пренебреженіе не отразилось на самихъ устроителей нашего спасенія, на Духа Святаго, Который тщетно трудился надъ совершеніемъ нашего спасенія, на Іисуса Христа, Который тщетно умеръ за грѣхи наши, воскресъ за оправданіе наше и не престааетъ ходатайствовать о насъ на небѣ, и на Бога Отца, Который отъ всей любви, но тщетно далъ намъ Единороднаго Сына Своего; думалъ, что увѣруютъ въ Него, и не погибнуть, а получать животъ вѣчный, но вышло, что кажутся или называются вѣрующими, а погибаютъ, какъ невѣрующіе? Въ такомъ случаѣ сами собою приходятъ на мысль страшныя слова Апостола Павла, который говоритъ, —*отверся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или трѣхъ свидѣтеляхъ умираетъ: koliko мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь заветную, еуже освятися, скверну возмивъ, и Духа благодати укоривый? вѣмы бо рекшаго: Милъ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаго-*

льть *Господь* (Евр. 10, 28. 29. 30). И дѣйствительно, Господь воздастъ; *нелститесь*, чада благодати; есть и день суда; ибо *Богъ поругаемъ небываетъ*.

Чтобы не говорить много, разсудите сами, братіе моя. Если мы не водимся Евангельскимъ ученіемъ о Богѣ, если неслушаемся заповѣдей Христовыхъ, если не уважаемъ ни условій, ни средствъ предписанныхъ намъ для спасенія, то не поставляемъ ли мы себя противъ Христа въ такое же положеніе, въ какое первый грѣхъ поставилъ перваго человѣка противъ Бога т. е. въ состояніе вражды? Ибо обстоятельства и тамъ и здѣсь одни и тѣже: тамъ Богъ требоваль, чтобы человѣкъ жилъ по Его волѣ, но человѣкъ тому воспротивился, и возстала вражда между человѣкомъ и Богомъ: и здѣсь Христось требуетъ, чтобы христіане жили по Его волѣ, иначе кто не съ Нимъ, тотъ противъ Него (Лук. 11, 23); если же христіане не слушаются Христа, но во всемъ противятся Ему, не возстають ли и здѣсь вражда между христіанами и Христомъ?—Но первая вражда между Богомъ и человѣкомъ разрушена и уничтожена Христомъ: *врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Ею*, пишетъ Апостоль (Сим. 5, 10): ктожь теперь примирить христіанъ со Христомъ? Кто уничтожить между ними вражду? Кто дастъ грѣшнымъ христіанамъ дерзновеніе приступать къ Христу?—О! Многомилостливый Иисусе! Мы не ограничиваемъ безпредѣльнаго Твоего чело-вѣколюбія; мы вѣруемъ, что никакое множество и никакая великость нашихъ грѣховъ не превосходитъ, не побѣждаетъ, не исчерпываетъ Твоего милосердія: но собственная совѣсть наша, отягченная и терзаемая своими грѣхами, не даетъ намъ дерзновенія вознестись къ Тебѣ мыслию, и вѣрою, которая не лучше маловѣрія или вовсе невѣрія, ни чувствомъ и надеждою, которая не лучше боязни или вовсе отчаянія; она все клонитъ насъ долу, страшится неба, и на Тебя, любовь Божія, не можетъ уже взирать,

какъ на друга и Спасителя, но боится Тебя и трепещеть, какъ суди и отмстителя. Ктожь насъ примирить со Христомъ?—Эго, братіе, собственно Матерь Божія; Ее Самъ Христось поставялетъ между Собою и нами; Ей Онъ поручилъ насъ еще при крестѣ, въ лицѣ Апостола Іоанна какъ дѣтей—матери; а потому Она близка и къ Христу, какъ къ Сыну, и къ намъ, какъ чадамъ своимъ. Она и и можетъ молиться Сыну за грѣшниковъ, *многу бо можетъ молитва материя* къ Сыну, особенно въ дѣлѣ, за которое Самъ Сынъ положилъ душу Свою; и хочетъ молиться Сыну за насъ грѣшниковъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ мы грѣшнѣе, ибо любить насъ, какъ чадъ своихъ, хотя грѣшниковъ. Сынъ любить Матерь; матеръ любить насъ; какъ же матери не молиться Сыну, и какъ Сыну не послушаться моленія матерняго? И вотъ Пресвятая Богоматерь есть посредница мажду нами и Христомъ;—отъ Христа Она есть *Божіе къ смертнымъ благоволеніе*; ибо испрашиваетъ намъ всякія милости; а отъ насъ—*есть смертнымъ къ Богу дерзновеніе*; ибо самыя недостойныя наши моленія дѣлаетъ благопріятными Богу своимъ о насъ ходатайствомъ. Она есть *заступница усердная всѣхъ въ державный покровъ Ея прибѣгающихъ*; Она за всѣхъ молить Сына своего Христа Бога нашего и всѣмъ творить спастися отъ всякихъ бѣдъ и золъ временныхъ и вѣчныхъ. А чтобы еще ближе поставить себя къ намъ грѣшнымъ немощнымъ по душѣ и тѣлу, не могущимъ восклониться и вознестись до Ней твердою своею мыслію, Она благоизволяетъ бывать разновременнымъ, разномѣстнымъ и разнообразнымъ явленіямъ пречетной своей иконы и чудеснымъ событіямъ отъ оной, каково напр. и празднуемое нынѣ, бывшее избавленіе града Москвы (въ 1612 году) отъ Поляковъ чудотворныя ради своея иконы, нарицаемая Казанскія, дабы всѣ сущіе въ напастяхъ, скорбяхъ, и болѣзняхъ, и обремененные грѣхами многими, предстоя и молясь умиленною душою

и сокрушеннымъ сердцемъ предъ пречистымъ Ея образомъ, со слезами и несомнѣнною надеждою, получали избавленіе отъ всѣхъ и всякихъ золъ, все для себя нужное и полезное, а прежде всего спасеніе душевное.

Да исполняется же въ роды родовъ слово Богоматери о самой себѣ: *се отъ нынѣ ублажатъ Мя вси роди*. Не смѣя по множеству грѣховъ своихъ ни очей возвести на небо, не дерзая приступить къ Самому Христу, будемъ прибѣгать и молиться къ всеблагой Его Матери, предъ пречистымъ Ея образомъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ и умиленною душою, со слезами и съ невозвратною надеждою: заступница усердная, Мати Господа вышняго! Всѣхъ насъ заступи, о Госпоже царпце и Владычице! Избави насъ отъ всѣхъ золъ, всѣмъ намъ полезная даруй, и вся спаси, Богородице дѣво: Ты бо еси Божественный покровъ рабомъ твоимъ. О! Не умолчимъ никогда, Богородице, силы твоя глаголати недостойни; аще бо ты не бы предстояла молящи, кто бы насъ до нынѣ избавлялъ отъ всякихъ бѣдъ? Но Владычице, нынѣ паче потщися помощи намъ, на ны милосердовавши; погибаемъ отъ множества прегрѣшеній; не отврати твоя рабы тщи; ты бо, и едину, надежду имамы; ты едина Божіе къ смертнымъ благоволеніе и смертныхъ къ Богу дерзновеніе; ты едина спасеніе рода христіанскаго. **Аминь.**

С Л О В О

въ день памяти святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Лучше есть намъ умереть на брани, неже видѣти злая людей нашихъ, и святыхъ. (1. Макк. 3, 59.)

Такъ говорилъ одинъ изъ Маккавеевъ, ревновавшихъ о благѣ своего отечества во дни самые злополучные. Иерусалимъ уже былъ не обитаемъ какъ пустыня; святилище было уже осквернено; свирѣпый врагъ уже повелѣлъ истребить самое имя іудеевъ;— по видимому нельзя было и помыслить о спасеніи отечества: но душа геройская не вѣдаетъ трудностей неодолимыхъ, зрѣтъ гибель отечества, чувствуетъ долгъ свой и спѣшитъ на помощь и спасеніе, хотя бы то жизни стоило. И рече Іуда: *лучше есть намъ умереть на брани, неже видѣти злая людей нашихъ и святыхъ.*

Бѣдствовало, слуш. и наше отечество; рѣчь о временахъ Батыевыхъ.. Тогдашнее положеніе Россіи было самое плачевное; ничему не было пощады; грады и веси были предаваемы огню; святые храмы — оскверняемы и разрушаемы; князи и простолюдины, старцы и младенцы, юноши и дѣвы становились добычею или позора, или меча или плѣна; „живые завидовали спокойствію умершихъ“, какъ говоритъ историкъ; „Россія была изнурена, бесплодна, полна гробовъ и развалинъ; казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ.“ Но Богъ любилъ Россію и во дни своего гнѣва; ибо далъ и ей Маккавея, который не меньше, если не больше Иудейскаго, заботился о благѣ бѣдствующаго отечества. То былъ святой князь Александръ Невскій.

Среди торжества въ память сего безсмертнаго Князя, кажется, всего приличнѣе воскресить въ памяти хотя — не

—многіе примѣры доблестной любви его къ отечеству; примѣры доблестей и лучше назидаютъ слушающихъ, и больше славятъ того, кому принадлежатъ.

Россія уже преклонила печальную выю подъ тяжкое иго татарское; одинъ Новгородъ оставался цѣль, невредимъ, и свободенъ. Взошла гроза и надъ Новымгородомъ. Враждующій сосѣдъ, въ брани опытный и дотогѣ счастливый, уже привелъ многочисленное ополченіе въ землю Александрову и гордымъ вызовомъ на брань не столько объявилъ войну, сколько требовалъ себѣ покорности: „ратоборствуй со мною, если смѣешь“. Что было предпринять юному князю Новгородскому съ небольшою дружиною однихъ Новгородцевъ противъ врага сильнаго, опытнаго, надменнаго? „Насъ не много, „сказалъ онъ вѣрнымъ сподвижникамъ своимъ,“ а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ; идите за вашимъ княземъ“ сказалъ, и, забывъ что въ столь неравной битвѣ собственная жизнь его не въ безопасности, какъ молнія устремился на враговъ.

Счастіе было на сторонѣ Александра. Богъ даровалъ ему побѣду, а побѣда—отечеству миръ и спокойствіе, герою славное прозваніе Невскаго: но что вложило въ сердце юнаго князя такую рѣшимость, которая повела его въ опасность очевидную? Любовь къ отечеству;—та самая любовь, о которой говоритъ І. Христосъ: *Больши сея любве ни ктоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* (Іоан. 15, 13). Александръ готовъ былъ положить душу свою, только бы отвратить гибель, угрожавшую отечеству.

Примѣръ, Слуш., достойный самаго ревностнаго подражанія!—Въ самомъ дѣлѣ, въ правѣ ли мы отказать Отечеству въ какой либо жертвѣ, ежели оно во дни какой либо опасности потребуетъ отъ насъ оной для своего спасенія, или даже водни мира для упроченія всеобщаго благоденствія? Какъ! получивши все, что имѣемъ, отъ оте-

чества, — и воспитаніе, и званіе, и имущество, и покой, и всѣ удовольствія, и самую жизнь, или еще болѣе, всѣ средства для блаженной вѣчности, уже ли въ правѣ мы, отказать отечеству въ тѣхъ же дарахъ, которые отъ него получили? — Въ правѣ — ежели есть право несправедливости. Неблагодарность есть крайняя несправедливость; а отказать отечеству въ какой нибудь жертвѣ — крайняя неблагодарность! — Сверхъ того жертвовать всѣмъ, для блага отечества, обязываетъ каждаго изъ насъ какъ наше собственное, такъ и общественное благо. — Страдать никто не хочетъ; и чтобы спокойно взирать на страданія отечества, нужно имѣть сердце не человѣческое; тѣже нѣжнѣйшія узы родства и сочувствія соединяютъ и гражданъ съ отечествомъ, какія дѣтей съ родителями. Отдѣлимъ же каждый собственное благо отъ общественнаго, позаботимся сохранить его для себя и откажемъ Отечеству во всякомъ пособіи — тогда, какъ загремитъ надъ нимъ грозная туча, что изъ того произойдетъ? Огвѣтъ на сіе въ словахъ Спасителя: *вѣяко царство раздѣльшеся нася запустѣетъ; и всякъ градъ или домъ раздѣливыйся нася не станетъ* (Матѣ. 12, 25). Отдѣливши свое благо отъ общественнаго или все то же отказавъ Отечеству во всякомъ правѣ на наше благо, мы съ нимъ раздѣлились: слѣдствія такого раздѣленія уже понятны; должно только помнить, что въ гибели общественнаго блага гибнетъ и частное, и частное какъ слабѣйшее, гибнетъ прежде общественнаго. Но перейдемъ къ другому примѣру доблестной любви св. Александра къ Отечеству.

Достопамятная битва Невская была зарею, предвѣщавшею Росіи, какихъ дней, или лучше, какой новой жертвы для лучшихъ дней надлежало ей въ своей горести ожидать отъ великодушнаго героя Невскаго.

Человѣкъ любить честь, и любовь чести въ нѣкоторыхъ, особенно въ тѣхъ, кои рождены среди чести и для чести, бываетъ если не сильнѣе, то столько же сильна, ск о-

лько любовь къ жизни, такъ что трудно различить, жизнь или честь составляетъ для нихъ болѣе драгоцѣнную собственность.—Обыкновенно сію любовь къ чести называютъ тщеславіемъ (или любочестіемъ), плодомъ грѣховнаго самолюбія, страсти, которая по закону христіанскаго самоотверженія, должна быть умерщвлена съ прочими похотями—пустъ такъ; но ежели она столько же сильна въ сердцѣ человѣка, сколько и любовь къ жизни: то сколь глубоко должно быть самоотверженіе, когда рожденный для чести пожертвуетъ своимъ тщеславіемъ для блага отечества? Сколь многоцѣнна такая жертва? Сколь высока любовь къ отечеству, приносящая ему такую жертву? —

Благовѣрный Князь Александръ явилъ намъ образецъ и таковой любви къ отечеству. Послѣ первой грозы, счастливо минувшей, Новгородъ былъ еще свободенъ, и Александръ еще не преклонялъ выи своей въ ордѣ. Вдругъ велѣно сказать ему отъ Батя: „Князь Новгородскій! ты ли одинъ будешь независимымъ? Если хочешь властвовать спокойно: то явись въ шатръ моемъ, да познаешь славу и величіе Моголовъ“. Среди двухъ крайностей былъ герой Невскій. Отказать — значило вернуть отечество въ неминуемую гибель; ибо какихъ жестокостей не надлежало ожидать отъ оскорбленной гордости врага безчеловѣчнаго? Но Александръ любилъ отечество болѣе своей жизни. Исполнить повелѣніе значило отказаться отъ чести князя свободнаго и согласиться на уничижительное рабство по работителю своего отечества; ибо не для чего другаго и звали его въ Орду, какъ чтобы предъ лицомъ Батя призналъ онъ себя данникомъ Моголовъ; но „рабство тягостное для народа еще несноснѣе для государя, рожденнаго съ правомъ властвовать“. На чтожь было рѣшиться? Герой Невскій рѣшился принести отечеству новую, конечно болѣзненную, но достойную великаго духа своего жертву, — рѣшился пожертвовать княжескою честію своею

для блага своихъ согражданъ, рѣшился ѣхать въ Орду и собственнымъ присутствіемъ подтвердить въ ней приговоръ своего рабства. —

Примѣчайте, слуш., плоды самоотверженія Александра; Батый поручилъ ему всю южную Россію съ Кіевомъ и уступилъ возможность — на золото выкупать Россіанъ изъ неволи Татарской, и облегчать горестную участь прочихъ согражданъ многими другими средствами; отъ чего, ежели не вся Россія, то весьма многіе Россіяне узрѣли свѣтлыя дни свободы и утѣшенія. Но чего сіе стоило государю — герою? Онъ сталъ данникомъ Могольскимъ.

Какъ Александръ пожертвовалъ княжескимъ тщеславіемъ своимъ для блага своихъ согражданъ; такъ и мы для блага общественнаго должны побѣждать всякое любимое, но, по духу религіи нечистое движеніе своего сердца, или, чтобы сказать яснѣе, должны побѣждать страсти. Кто изъ насъ безъ страстей? Ежели есть между нами души безстрастныя — не къ тѣмъ слово сіе; но кто ощущаетъ въ сердцѣ своемъ такія безпорядочныя движенія, тотъ да внемлетъ: нѣтъ зла, столько гибельнаго для блага обществъ, какъ страсти гражданъ; — распри и свары — плоды страстей; междоусобія гражданъ — плоды взаимныхъ распрей; паденіе государствъ цвѣтущихъ, гибель народовъ сильныхъ — плодъ междоусобій. О слуш.! вспомнимъ горестныя времена Татарскаго порабоженія и завѣщаемъ завѣтъ съ самими собою о умерщвленіи страстей своихъ, ежели хотимъ — и чтобы изъ насъ не хотѣлъ? — чтобы любезное отечество наше, въ тѣ времена едва сохранившее бытіе свое, а нынѣ вознесенное на такую степень величія, на которой не только не боится чуждаго ига, но и само даетъ вмѣсто ига — царствамъ *миръ и свободу, народамъ бытіе благоденствіе*, — чтобы любезное отечество наше никогда не дожило до временъ Батыевыхъ.

Еще одинъ примѣръ великой любви Александровой къ

отечеству, и еще одинъ для каждаго гражданина урокъ, отъ исполненія коего существенно зависитъ благо общественное,—урокъ и примѣръ непоколебимой приверженности и неизмѣняемой вѣрности къ ученію своей церкви.

Слава героя Невскаго пронеслась по всей Европѣ, заняла вниманіе Рима и возбудила въ главѣ Западной церкви желаніе склонить Александра къ принятію Латинской вѣры; для достиженія сей цѣли Римскій первосвященитель частію общалъ Князю душевное спасеніе и мірское счастье, а народу тишину и славу подъ сѣнію западной церкви; частію указывалъ Князю на примѣръ отца его Ярослава, какъ будто скончавшагося въ вѣрѣ Латинской; частію вразумлялъ Князя въ безразсудности, будто бы онъ ослушавшись въ семь дѣлѣ Рим. намѣстника Бажія ослушается самаго Бога. — Святѣйшій Князь, принявъ предложеніе, не внималъ столь сильнымъ убѣжденіямъ. Онъ не могъ не видѣть слѣдствій своего согласія, равно какъ не могъ не видѣть и того, какое благо покушаются похитить у Его отечества.

Можно такъ разсуждать, еслибы Александръ согласился (предположеніе впрочемъ не избыточное, поелику онъ былъ вѣрнѣйшій сынъ своей церкви, но еслибы согласился); то примѣру великаго Князя столько любившаго Отечество и столько любимаго народомъ, послѣдовали конечно и многіе изъ согражданъ, а можетъ быть—всѣ, или ежели бы не всѣ добровольно послѣдовали, то всѣ бы не вольно приняли ученіе другой церкви. Чтожъ въ то время потеряло бы отечество? Главнѣйшее основаніе, на коемъ прочнѣе нежели на какомъ либо другомъ, можетъ созида-ться истинное общественное благо;—потеряло бы чистое ученіе христіанской Религіи.

Въ отечествѣ есть законы, званія, должности; знаемъ, что они учреждены для блага общественнаго, равно какъ и частнаго; но дабы проистекало отъ нихъ желаемое бла-

го, нужно чтобы каждый гражданинъ сколько возможно вѣрнѣе слѣдовалъ законамъ, совѣстиѣ проходилъ свое званіе, усерднѣе исполнялъ свои обязанности; а сіе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, ежели каждый гражданинъ будетъ водиться безкорыстною, чистою любовію къ своему отечеству. Ктожь можетъ вложить въ сердце гражданина сію чистую любовь? Кто умертвить въ немъ грѣховное самолюбіе, при которомъ самая, по видимому, высокая любовь къ отечеству не можетъ не быть болѣе или менѣе своекорыстна, и слѣдовательно болѣе или менѣе бесполезна, ежели не вредна, для блага общаго? Кто умертвивъ самолюбіе, возбудить въ сердцѣ гражданина непоколебимую рѣшимость всѣмъ жертвовать для блага отечества, и ни подъ мечемъ ни ради корысти не измѣнять своему долгу, своему званію, своимъ отечественнымъ законамъ?— Все сіе возможно только для христіанской религіи; чистая любовь какъ къ Богу, такъ и къ ближнимъ слѣд. и къ отечеству, есть плодъ святаго Духа (Гал. 5, 22). По сему-то видимъ, что вѣрнѣйшій сынъ церкви есть вѣрнѣйшій сынъ и отечества; а напрогивъ въ комъ нѣтъ любви къ религіи, въ томъ нѣтъ любви и къ отечеству. — Измѣнникъ олтарю не можетъ быть вѣренъ и престолу — истина отъ древнихъ временъ извѣстная. Такъ хр. религія необходима для того, чтобы гражданскіе законы, званія и должности приносили плоды, достойные своего учрежденія. Но то несомнѣнно, что чѣмъ чище ученіе хр. религіи, т. е. чѣмъ болѣе оно чуждо всякой примѣси человѣческаго мудрованія; тѣмъ оно дѣйственнѣе въ умерщвленіи самолюбія въ нашемъ сердцѣ и тѣмъ способнѣе насадить въ насъ чистую любовь къ отечеству; а слѣдст. тѣмъ и необходимѣе для прочности общественнаго блага.

Святой Князь Александръ не могъ не знать таковой необходимости чистаго ученія хр. религіи для блага своего отечества. Ибо безъ такого ученія невозможна чистая

любовь къ отечеству; а безъ такой любви общественное благо столь же непрочно, сколь непрочно зданіе на пескѣ, по выраженію писанія, основанное. Но съ другой стороны Онъ зналъ, что ученіе Грекороссійской церкви есть ученіе чистое, тоже самое какое св. Апостолами получено отъ с мага І. Христа, отъ Апостоловъ первыми ихъ преемниками, отъ сихъ послѣдующими Отцами церкви, отъ коихъ преемственно перешло и въ Россію въ томъ же неизмѣнномъ видѣ. Какой бы то былъ ревнитель отечественнаго блага, если бы кто рѣшился перемѣнить такое ученіе на ученіе другое, которое рознился съ симъ, по необходимости разнится и слѣд. не имѣть одинаковой чистоты и съ ученіемъ Апостольскимъ? Послѣ сего можно уже предварительно знать, что отвѣчалъ Папѣ вѣнценосный сынъ Росс. церкви, внутренно увѣренный въ чистотѣ и истинности ученія своей церкви, понимавшій необходимость такого ученія для блага своего отечества, и любившій сіе благо болѣе своей жизни, болѣе своей чести. Выслушаемъ, сыны Росс. церкви, сей отвѣтъ, и напечатлемъ его глубоко въ сердцахъ своихъ, какъ отвѣтъ, достойный первыхъ ревнителей чистоты христіанскаго ученія. „Мы знаемъ истинное ученіе церкви“ отвѣтствовалъ св. Князь Римскому Первосвятителю „а вашего не приедемъ и знать не хотимъ“.

И по симъ и многимъ доблестямъ Александровой любви къ отечеству можно уже судить, что значила вся жизнь сего Князя для Россіи, въ тѣ времена бѣдственныхныя. Россіане чувствовали сіе и не были не благодарны. Первая вѣсть окончинѣ сего Князя выразилась въ словахъ: „Солнце отечества закатилось“; всѣ въ глубокой горести тогда вопиали: „погибаемъ“; наконецъ давъ Невскому имя святаго внимательные сограждане включили его въ чинъ своихъ Ангеловъ хранителей —

О святыи Княже Александре! Ты и досель Ангель хранитель Россіи; святыя неумирающіе останки твои— намъ залогъ твоего ходатайства предъ Богомъ о любезномъ нашемъ отечествѣ. Убо моли Господа *спасити градъ сей и державы сродникъ твоихъ богоугодный быти и сыновомъ Россійскимъ спаситися*. Аминь.

С Л О В О

На обрѣтеніе мощей Св. стца нашего Алексія Митрополита, всея Россіи чудотворца, въ день тезоименитства Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Алексія Александровича.

Посинуйтеса наставникомъ вашимъ и покоритесь; ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще; да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе; плеть бо полезно самъ сіе. (Евр. 12, 17).

Родъ человѣческой, *сотворенный отъ единыя крове*, самимъ Богомъ искони связанъ многообразными союзами, чтобы, распространяясь отдѣльными лицами, восходилъ обратно въ свое единство. Есть союзъ родственныи, гдѣ крайнія звѣнья—родители и дѣти; есть союзъ общественныи, гдѣ различаемъ старшихъ и младшихъ; есть союзъ гражданскій, гдѣ власти и подвластные; есть наконецъ союзъ религиозныи, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, гдѣ пастыри и пасомые. Всѣ эти союзы существуютъ на дѣлѣ, между нами: родственныи мы всегда видимъ въ семействахъ; общественныи—въ общественной нашей жизни; въ силу и съ вѣрноподаннымъ чувствомъ третьяго мы нынѣ торжествуемъ тезоименитство Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Алексія Александровича; о послѣднемъ говоритъ нынѣ Апостоль: *посинуйтеса наставникомъ вашимъ*

и покарятесѣ; тѣмъ бо бдѣтъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотѣюще, да съ радостію сіе творѣтъ, а не воздыхающе; нѣсть бо полезно вамъ сіе.

Всѣ такіе союзы имѣють цѣлю существенное наше благо:—на союзѣ родственномъ основывается воспитаніе человѣка, который рождается слабѣйшимъ всякаго животнаго, но долженъ возрасти и воспитаться въ царя и владыку всей видимой твари; на союзѣ общественномъ—благо состояніе наше, которому съ самаго начала, какъ посѣву съ самыхъ всходовъ, угрожаютъ страсти человѣческія, какъ разрушительныя дѣйствія стихій; на союзѣ гражданскомъ—порядокъ нравственный, да тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; на союзѣ религіозномъ наконецъ—все руководство и образованіе—человѣка въ образъ Божій, говоритъ Апостоль: *Богъ далъ есть оны убо Апостолы и Пророки, оны же пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣли Христова, которое есть церковь, доидеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Евр. 4, 11. 13). Всѣ наконецъ такіе союзы, происходя отъ премудрости Божіей, устрояющей все ко благу нашему, имѣють и важность Божественную, такъ что ни одинъ человѣкъ не можетъ безнаказанно измѣнить обязанностямъ того или другаго союза; да и что болѣе достойно всего нашего уваженія, и большую за собой влечетъ отвѣтственность, какъ не то, что происходитъ и приходитъ къ намъ отъ самаго Бога? Но если всѣ союзы такъ важны, не паче ли союзъ религіозный, котораго предметъ и цѣль есть Самъ Богъ? Однакожь и Апостоль находилъ нужнымъ напоминать христіанамъ объ уваженіи сего союза, когда писалъ имъ о повиновеніи и покорности духовнымъ наставникамъ, *которые бдѣтъ о душахъ ихъ, и дадутъ отчетъ въ такой своей обязанности.* Послѣдую Апостолу,

остановимся и мы теперь на послѣднемъ союзѣ, потому что и у насъ онъ, должно признаться, не всегда или не у всѣхъ пользуется надлежащимъ уваженіемъ. Разсмотримъ, какого заслуживаетъ сей союзъ уваженія, и не только отъ пасомыхъ, но и отъ самыхъ пастырей.

Такъ обыкновенно называемые въ церкви Христовой духовные пастыри суть тѣ собственно наставники, которымъ Апостоль заповѣдуетъ повиноваться и покоряться, *которые бдятъ о душахъ нашихъ*, которые дадутъ отчетъ въ своихъ обязанностяхъ, и которые, какъ люди, охотнѣе будутъ проходить свое служеніе между нами, если будутъ видѣть наше къ нимъ уваженіе; а въ противномъ случаѣ будутъ, проходя служеніе свое, вздыхать, стѣсняться въ духъ, сѣтовать, или даже ослабѣвать въ своемъ трудѣ, — что, очевидно, послужитъ намъ не въ пользу. При Апостолахъ вѣрующіе могли учить въ церкви и другъ друга (1 Кор. 14, 26), но по времени распространенія Церкви, когда слабые вѣрующіе внесли въ нее и свои слабости, порядокъ измѣнился; мало уже было *могущихъ* учить, и для сего стали избираться особыя лица, такъ что никто уже не могъ имѣть этой чести, *какъ только званій отъ Бога* (Евр. 5, 4), и никто не могъ проповѣдывать, *если не бывалъ посланъ* (Рим. 10, 15), или призванъ къ тому по учиненному на то особому церковному порядку. Печальный остатокъ перваго обычая представляютъ еще и понынь у иновѣрныхъ такъ называемые *духовные христіане*, особенно *квакеры*; а исполненіе послѣдняго порядка видимъ въ обыкновенномъ у насъ избраніи и посвященіи церковныхъ пастырей.

Какъ высока должность Церковныхъ Пастырей, это можно видѣть изъ самымъ наименованій, имъ усвоенныхъ. Они называются то *Ангелами Божіими*, то *споспѣшниками Божіими* и *архитекторами зданія Божія*, то *другами жениха*, который есть Христось, то *стражами челоуковъ*, то

свѣтомъ міра, солію земли, и под. *Устия Іереовы*, говоритъ Пророкъ Малахія, *сохранятъ разумъ и закона възвѣщаютъ люди отъ устъ его; яко Ангелъ Господа Вседержителя есть* (Мал. 2, 7), т. е. какъ Ангелы возвѣщаютъ людямъ волю Божию; такъ Іереи проповѣдуютъ вѣру Божественную. — „Не вѣси ли, говоритъ Св. Златоустъ, что есть священникъ? Ангелъ Господень есть. Егда бо своя, т. е. приличное ему, глаголетъ, аще не радиши о немъ, не о немъ нерадиши. но о рукоположившемъ его Возъ.“ (2 Бес. къ Тим.) — Вотъ пастыри — Ангелы! — *Бну есмы постылилицы*, говоритъ Ап. Павелъ о себѣ и о своихъ преемникахъ въ Церкви, т. е. Пастыряхъ; *а вы Божіе зданіе есть* (1 Кор. 3, 9). Спасеніе каждаго человѣка представляется въ писаніи подъ видомъ строенія дома, для котораго основаніе есть Христосъ, вѣра Христова, строители — Пастыри, высшій создатель — Самъ Богъ. Вотъ пастыри — споспѣшники Божіи! — Союзъ Іисуса Христа съ душою каждаго вѣрующаго изображается брачнымъ союзомъ жениха и невѣсты: женихъ — Самъ Христосъ; — невѣста — каждая вѣрующая душа: а другъ жениховъ, споспѣшествующій браку, есть Церковный Пастырь, своимъ ученіемъ каждую душу Христу обручающій, подобно какъ Предтеча и Апостоль, (Іоан. 3, 29. 2. Кор.) 12, 2). Вотъ пастырь — другъ жениховъ! — *Сыне чело-вѣчь*, говоритъ Богъ Пророку Іезекілю: *стража дахъ ты дому израилеву, да слышиши слово отъ устъ Милхъ, и воспретиши имъ отъ Мене. Внегда глаголюти Ми беззаконнику — смертію умреши, и не възвѣстииши ему, еже останется беззаконнику, и обратится отъ пути своего, еже живу быти ему; беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея възвѣстииши* (Іезек. 3, 17—18); *но аще възвѣстииши беззаконнику, и не обратится отъ беззаконія своего; той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ; а ты душу твою забавиши* (Ст. 19). Такая точно стражба ввѣряется и каждому Пастырю. надъ каждою врученною ему душою, за

которую онъ и отвѣчать собственной кровію, или спасеніемъ. Называются Пастыри свѣтомъ міра, солію земли, въ томъ смыслѣ, что обязаны и словомъ и примѣромъ свѣтить своей паствѣ въ путяхъ спасенія и какъ солію, сохранять каждаго вѣрующаго отъ грѣховной порчи и растлѣнія во всѣхъ случаяхъ жизни.—Такъ высока должность пастыря!

Сотвѣтственно сему въ Пастырѣ требуются и особенно возвышенныя качества. Онъ долженъ быть, по Апостолу, *безъ порока*, и съ совершенствами, истинно Ангельскими; (Тим. 1, 78); долженъ проповѣдовать *благовремению и безвремению, обличать, запрещать, умолять, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2); *долженъ непрестанно молиться*, и просить за себя молитвъ, чтобы свою должность нести не собственными силами, которыя далеко для ней недостаточны, но силою и помощію Св. Духа, Который будетъ наставлять его на всякую истину, укрѣплять его силы, такъ чтобы чрезъ самыя немощи его совершалась сила Божія въ дѣлахъ его служенія.—Вотъ почему должности пастырской отрицались самые Пророки: *Моисей* (3, 11); *Иеремія* (1, 6); убѣгали самыя свѣтила Церкви: Григоріи, Сиринны, Амвросіи, Златоусты. Съ какимъ же послѣ сего уваженіемъ и благоговѣніемъ должны смотрѣть сами Пастыри на свою Пастырскую должность! Съ какою ревностію должны поучаться они въ словѣ Божіемъ, какъ первоначальномъ источникѣ нашей вѣры! Съ какой чистотою, и любовію къ ближнимъ, особенно приснымъ, составляющимъ ихъ Паству, съ какою вѣрою къ Богу и вѣрностію къ своему званію должны они провождать всю свою жизнь! Имъ-то сказалъ Христосъ: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуьки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесяхъ.* (Мат. 5, 16). Но перейдемъ отъ Пастырей къ пасомымъ.

Если всѣ другіе союзы, связующіе родъ человѣческій,

достойны всего нашего уваженія, даже по собственному нашему разсужденію, напр. союзъ родственнѣй, потому что всѣ соединяемся одною родою кровію, любимъ другъ друга по врожденному чувству и печемся другъ о другѣ по самому единству рода; или общественнѣй, потому что имъ обезпечивается наша честь въ обществѣ и наше достоинствіе въ благопріятныхъ и несчастныхъ случаяхъ; или гражданскіи, потому что имъ весь нравственный бытъ нашъ руководится и защищается, поощряется наградами, обуздывается наказаніями: то какже союзъ религіознѣй не будетъ заслуживать уваженія самаго высшаго, сердечнаго, перваго, потому что здѣсь и все первое; имянно Богъ, къ Которому Пастыри трудятся насъ привести, наша душа, о спасеніи которой они собственно бдѣтъ т. е. заботятся и трудятся день и ночь, словомъ и примѣромъ, молитвою и священнодѣйствіями, на-лично и заочно; — и самое дѣло это спасеніе, котораго не можетъ быть ничего духовнѣе, а потому и благороднѣе, а слѣдственно и возвышеннѣе для человѣка? —

Первое, что вы мнѣ возразить можете, есть конечно то, что вы мало встрѣчаете Пастырей, такъ совершенныхъ, какъ выше они изображены въ высококомъ ихъ понятіи. Положимъ; но на это есть причины очень уважительныя, и главныхъ двѣ: первая та, что Пастыри избираются для васъ изъ людей, современныхъ вамъ; понятія, обычаи, или вообще духъ времени равно дѣйствуетъ и на нихъ, какъ и на васъ; нынѣ времена не Апостольскія и не отеческія, хотя и въ тѣ времена большая половина рода человѣческаго была, можетъ быть, не въ меньшей, если не въ большой тѣни, какъ и въ наше время; по этой современности и Пастыри и пасомые должны быть похожи другъ на друга, хотя первые должны отличаться своимъ преимуществомъ по самому своему приготовленію къ избираемому ими званію. Отъ чегоже, по крайней мѣрѣ, наиболѣе обра-

зованнымъ не имѣть снисхожденія къ своимъ современникамъ—Пастырямъ? А бываетъ большею частію напротивъ; болѣе образованные едвали не менѣе снисходительны и уважительны.—

Вторую причину указываетъ уже Апостоль, когда говоритъ, что *заповѣдь поставляетъ священники, и мушья немощь* (Евр. 7, 28); такъ было въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ новомъ; для чего? Для того, чтобы Пастыри, сознавая свои собственныя немощи, и врачуя оныя прежде въ себѣ самихъ, умѣли съ большимъ благодушіемъ носить немощи немощныхъ пасомыхъ, и собственнымъ опытомъ научиться благоразумію врачевать въ нихъ душевныя ихъ болѣзни.— Не удовлетворительна ли и послѣдняя причина, по которой больная какая нибудь душа съ меньшею робостію и большимъ дерзновеніемъ посмѣшитъ открыть пастырю иногда самую опасную, иногда издавна застарѣлую свою азбу? Одинъ Богъ безгрѣшенъ, и Богу угодно совершать свою силу въ нашихъ немощахъ, *да въ дѣлѣ нашего спасенія премоужество силы будетъ Божія, а не отъ насъ.* (2 Кор. 4, 7). Потому Богъ избралъ и въ Апостолы самыхъ простыхъ рыбаей, въ числѣ коихъ былъ даже Иуда, а не какихъ нибудь Платоновъ, Сократовъ, Аристидовъ и подобныхъ.—

Или потому званіе пастырское теряетъ много уваженія, что не отличается въ народѣ ни богатствомъ, ни честію или силою, что составляетъ блескъ и величіе въ мірѣ?—Но и на это есть причины удовлетворительныя. Не имѣютъ они земныхъ богатствъ потому собственно, что предметъ и цѣль всего ихъ служенія есть небо, куда должно быть обращено прежде всего собственное ихъ сердце, и куда они должны направлять и души имъ ввѣренныя. *Богатый* вообще, по изъясненію сердецвѣдца Христа, *не удобо увидетъ въ царствіе небесное*; ибо путь въ оное столько тѣсенъ, что могутъ проходить имъ только свободные отъ

всякаго земнаго стяжанія. Еслижь богатому пастырю и самому трудно достигнуть неба; то какъ же онъ приведетъ туда множество душъ, ему порученныхъ? Сребролюбіе приковываетъ человѣка къ землѣ, есть корень всѣхъ нравственныхъ золъ, и повергаетъ человѣка во всякія искушенія и напасти; а пастырь тоже человѣкъ. И такъ желать пастырямъ богатства, значитъ желать имъ опасностей. Нужно одно необходимое, безъ излишества. Уже Апостоль Павелъ, въ сообразность съ древнимъ закономъ, постановилъ, законъ и въ церкви христіанской: *служащїи олтарю съ олтаремъ дѣлятся* (1 Кор. 9, 13), т. е. получаютъ все пропитаніе отъ церкви; и приводитъ тому основаніе: *кто насаждаетъ виноградъ и отъ плода его неестъ? Или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ? Въ Моисеевъ законъ писано: да не заградиши устенъ вола молотяща; еда о волхъ радитъ Богъ, или пасъ ради всяко глаголетъ? Пасъ ради написася; аще мы духовная съяхомъ вамъ, велико ли аще мы ваша тѣлесная пожнемъ* (Ст. 7,—11)?

Мзда справедливая, ибо заслуженная;—но и должна быть съ одной стороны довольная, чтобы обезпечить содержаніе пастыря, а съ другой и несвыше необходимости, чтобы не обратиться во вредъ высокому его служенію. Что касается до чести, то въ Евангелїи представляется особый случай, которымъ опредѣленъ характеръ чести или власти пастырской. Когда одни изъ учениковъ просили у Христа первыхъ по Немъ мѣстъ, тогда Христосъ имъ говорилъ: *вы знаете, что князи народовъ господствуютъ надъ ими, и вельможи властвуютъ ими: но между вами не должно быть такъ; а кто изъ васъ хочетъ быть большимъ, тотъ будь вамъ слуга, и кто хочетъ у васъ быть первымъ, тотъ будь вамъ рабъ; подобно какъ и Сынъ человѣческой, т. е. Онъ Самъ, не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы служить, и отдать душу Свою для искупленія многихъ* (Мат. 20, 25—29). Такимъ образомъ вся честь и сила пастырей

состоять не въ мірскомъ блескѣ и знатности, но въ ревностномъ прохожденіи, какъ и въ высотѣ предмета служенія ихъ; ихъ честь не земная или мірская, потому что они сами не отъ міра и не для земли.

Но что вамъ до служителей Божіихъ и строителей тайнъ Христовыхъ? Пусть служатъ рыбаки и бѣдняки, простые и немощные, но главное, на что вамъ должно обращать все свое уваженіе въ союзѣ религіозномъ, есть самый союзъ. Уважайте муро, хотябы оно подавалось вамъ и въ глиняномъ, даже поврежденномъ сосудѣ. Повинуйтесь и покарьтесь наставникамъ нашимъ для того собственно, чтобы они ревностиѣ бдѣли о душахъ вашихъ.—Они воздадутъ слово за васъ, а вы столько будете къ нимъ не признательны, что откажете имъ въ должномъ по званію ихъ уваженіи?—Они тѣмъ охотнѣе будутъ проходить свою должность, чѣмъ вы будете къ нимъ внимательнѣе и уважительнѣе; а вы не позаботитесь поощрить ихъ даже въ собственную свою пользу? Будетъ ли это для васъ самихъ полезно? Неуваженіе къ служителямъ вѣры обличитъ холодность къ самой вѣрѣ. *Всею душою твоею благоговѣй Господеви, и Иереи Его чти*, говоритъ премудрый сынъ Сираховъ. (Сир. 7,—31). И вотъ что здѣсь особенно важно, что всѣ общественные наши союзы имѣютъ между собою неразрывную связь и держатся взаимною силою, которая имѣетъ свой источникъ въ союзѣ религіозномъ, и отсель проливается во всѣ прочіе. Богобоязливый и преданнѣе, нежели кто другой, своему Государю, и покорнѣе начальству, и уважительнѣе къ старшимъ, и любовнѣе къ ближнимъ, роднымъ и не роднымъ. *Благочестіе*, пишетъ Апостоль Павелъ, *на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота пылшляю и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). Аминь.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Протоіерей Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенія цензуры. 20 Февраля 1872 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

содержит не только философию, но и поэзию
 и историю. Он содержит в себе всё, что
 необходимо для воспитания души и тела.
 Он содержит в себе всё, что необходимо
 для воспитания души и тела.

Он содержит в себе всё, что необходимо
 для воспитания души и тела. Он содержит
 в себе всё, что необходимо для воспита-
 ния души и тела. Он содержит в себе
 всё, что необходимо для воспитания души
 и тела. Он содержит в себе всё, что
 необходимо для воспитания души и тела.
 Он содержит в себе всё, что необходимо
 для воспитания души и тела. Он содержит
 в себе всё, что необходимо для воспита-
 ния души и тела. Он содержит в себе
 всё, что необходимо для воспитания души
 и тела. Он содержит в себе всё, что
 необходимо для воспитания души и тела.
 Он содержит в себе всё, что необходимо
 для воспитания души и тела. Он содержит
 в себе всё, что необходимо для воспита-
 ния души и тела. Он содержит в себе
 всё, что необходимо для воспитания души
 и тела. Он содержит в себе всё, что
 необходимо для воспитания души и тела.
 Он содержит в себе всё, что необходимо
 для воспитания души и тела. Он содержит
 в себе всё, что необходимо для воспита-
 ния души и тела. Он содержит в себе
 всё, что необходимо для воспитания души
 и тела. Он содержит в себе всё, что
 необходимо для воспитания души и тела.

Издательство Императорского университета в Петербурге

В Петербурге, в типографии Императорского университета
 1875 г.